

В. К. Цечоев, С. В. Ротко, В. Н. Цыганаш

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСУДИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР В РОССИИ

Учебное пособие

**Под общей редакцией
В. К. Цечоева**

**Судебные реформы
Третейское соглашение
Теория и практика медиации
История правосудия в России
Третейское судопроизводство**

Светлана Ротко

**История, теория, перспективы
развития правосудия
и альтернативных
юридических процедур в
России. Учебное пособие**

«Проспект»

Ротко С. В.

История, теория, перспективы развития правосудия и
альтернативных юридических процедур в России. Учебное пособие
/ С. В. Ротко — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-214556-0

Учебное пособие предназначено для изучения курса по теории и истории правосудия и альтернативных юридических процедур в России. Кратко, в доступной форме авторы излагают основные моменты в зарождении, генезисе и современной эволюции отечественного суда, происхождения и развития альтернативных юридических процедур. Материал, положенный в основу данного издания, соответствует конспекту лекций, согласован с тематическими планами для магистерских программ и факультетов повышения квалификации по теории и истории правосудия и альтернативных юридических процедур и состоит из историко-правового экскурса, теоретических вопросов альтернативных юридических процедур. Авторы уделили внимание теоретико-правовым и практическим аспектам изучения медиации и третейского суда, проблематике их современного состояния и перспективам развития. Книга адресуется студентам, магистрантам, слушателям курсов повышения квалификации, профессорско-преподавательскому составу, всем интересующимся проблематикой теории и истории правосудия и альтернативных юридических процедур в России.

ISBN 978-5-39-214556-0

© Ротко С. В.
© Проспект

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ЧАСТЬ 1	12
Тема 1	12
Тема 2	23
Тема 3	26
Тема 4	31
Тема 5	38
Тема 6	43
Тема 7	47
Тема 8	50
Тема 9	54
Тема 10	56
Тема 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

В. К. Цечоев, С. В. Ротко, В. Н. Цыганаш
История, теория, перспективы
развития правосудия и альтернативных
юридических процедур в России
Учебное пособие

Под общей редакцией
доктора юридических наук,
профессора В. К. Цечоева

ebooks@prospekt.org

ВВЕДЕНИЕ

Книга, предлагаемая читателю, представляет собою учебное пособие, предназначенное для изучения курса по теории и истории правосудия и альтернативных юридических процедур в России. Кратко, в доступной для студентов форме авторы излагают основные моменты в зарождении, генезисе и современной эволюции отечественного суда, происхождения и развития альтернативных юридических процедур. Материал, положенный в основу данного издания, соответствует конспекту лекций, согласно тематическому плану для магистерских программ и факультетов повышения квалификации, названного курса и состоит из историко-правового экскурса, теории альтернативных юридических процедур (медиация, третейский суд), их современного состояния, практических аспектов и перспектив развития. Каждой из обозначенных аспектов книга посвящает одну из трех частей.

Правосудие, реализующееся посредством судебной системы, является действующим элементом властных отношений в правовой культуре российского общества. Ее роль обусловлена необходимостью построения и поддержания отношений, в котором право и закон будут доминирующими регуляторами. В связи с этим большое значение имеет утвержденная Распоряжением Правительства РФ 20 сентября 2012 г. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.» – это конечный итог анализа нескольких составляющих:

во-первых, анализа динамики восприятия отправной точки судебных реформ и конечной цели;

во-вторых, анализа общего вектора эволюции российского общества, характеристик систем его управления и применяемых методов;

в-третьих, анализа общественной потребности в разрешении постоянно возникающих и неизбежных конфликтов, вызванных столкновением противостоящих интересов не только членов общества, но и государства в целом.

Каждый элемент такого анализа, в свою очередь, динамически меняется, приспосабливается наиболее свободным и гуманным образом к современным требованиям справедливости, разума и жизни.

В связи с этим необходимо понимать, что процесс развития судебной системы не абсолютен и подвержен изменениям. В противном случае он достаточно быстро перестает соответствовать реалиям общественной жизни и фактически утрачивает значение. Поэтому наука всегда говорит о том, что любой существующий документ, а в области развития судебной системы на сегодняшний день это, безусловно, Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.» требует изучения, но изучения с целью получить представление о том, какова сегодня позиция публичной власти по данному вопросу.

Рассматривая судебную власть как правовой феномен, современные ученые исходят из того, что судебная власть возникает в силу того, что судебные органы – единственный вид государственных органов, у которых возникает обязанность трактовать государственную волю в том случае, когда нормативная трактовка, предложенная законодателем для общего случая и выраженная в норме закона, вступает в противоречие с нормативной трактовкой государственной воли в процессе индивидуального регулирования. Возможность определить, что является правом в случае индивидуального правоприменения, составляет основу судебной власти, определяет роль и место института судебной власти в системе разделения властей.

Развитие судебной власти также обусловлено интересом общества в поддержании правового и социального порядка, а ее государственная природа – обязанностью государства этот порядок поддерживать.

Переменными характеристиками, влияющими на основные пути развития судебной системы, являются понимание судебной власти и соотношение ее с судебной системой (они соотносятся между собой как содержание и форма).

Развитие концепции современной судебной власти и судебной системы имеет предысторию.

В Концепции судебной реформы в РСФСР, принятой Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г., к ключевым недостаткам советской судебной системы были отнесены следующие:

- неспособность юстиции справиться с возложенными на нее задачами, низкая эффективность ее усилий;
- невысокое качество работы системы правоохранительных органов при их чрезвычайной перегруженности;
- кадровый голод, «бегство» судей и следователей от тягот и лишений юридической службы, непрестижность последней;
- отсутствие сплоченной и независимой судейской корпорации, имеющей вес в государственной деятельности и сознательно реализующей интерес права;
- утрата работниками правоохранительных органов способности оставаться самостоятельной личностью, ориентация их на «функционирование», на исполнение навязанной извне воли;
- низкий уровень материально-технического обеспечения деятельности юстиции и социально-бытовых гарантий для служащих отрасли;
- разлад между обществом и правоохранительными органами, не сумевшими заслужить доверие и авторитет в глазах общественного мнения.

После 1991 г. широко открылись двери науки. В этот период бурно исследуется теория судебной власти.

Исследователи ставят ряд важных вопросов: о пределах судебной власти, об объеме регулирования судебной власти. В рамках темы о пределах возможностей судебной власти, а точнее – в поиске гарантий того, что судебная власть не вернется к положению власти-функции, а будет полноценной участницей процесса выработки властных решений, возникает вопрос о самостоятельности и независимости судебной власти и о соотношении этих понятий. В этой же связи появляется необходимость конституционно-правового объяснения принципа самостоятельности и независимости судебной власти, определения признаков судебной власти. Остро встал вопрос о том, относить ли суд к правоохранительным органам или не относить.

Исследователи видят необходимость в уточнении понятия предназначения судебной власти, предлагая такие формулировки, как охрана общества от любого произвола граждан и от неправильных действий самого государства, его органов, должностных лиц, или как функции социального контроля при наличии конфликта между отдельными членами общества, между ними и государством, или как установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных в форме, установленной законом.

Исследуется вопрос о функциях судебной власти. Отмечается, что в условиях разделения властей суд стал обладать еще двумя полномочиями – полномочиями судебного административного контроля или разрешения административных дел, т. е. дел о незаконности деятельности органов исполнительной власти, и полномочиями судебного конституционного контроля или разрешения конституционных дел, т. е. дел о неконституционности, во-первых, законодателя, а во-вторых – исполнителя. Судебная власть в некоторых исследованиях определяется как консенсуальный институт устранения конфликтов между другими ветвями государственной власти.

Такое внимание к теории обусловило неизбежность практической деятельности в 2000 г. по рассмотрению проблематики судебной реформы, начиная от Концепции 1991 г., в которой

говорится о том, что судебная реформа в целом достигла главных целей. «Несмотря на трудности, а иногда и противодействие развитию судебной реформы, можно констатировать, что судебная власть состоялась и что она способна защитить права человека, интересы общества и государства». Этот вывод прозвучал и в выступлении на съезде Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. На Пятом Всероссийском съезде судей было сказано, что «в этих условиях остается лишь планомерно решать вопросы дальнейшего развития и совершенствования судоустройства, судопроизводства и должного организационного, прежде всего кадрового и финансового обеспечения судебной деятельности».

Однако речь не идет о констатации достижений. Дана принципиальная оценка недостаткам реформ.

Как результат развития идеи судебной реформы, предыдущей программы, рассчитанной на 2000-е гг., распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. принята Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»

В ней преобладающе решается вопрос о цели судебной системы. Так, констатируется, что судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

В документе указывается, что на современном этапе судебная система функционирует в условиях осуществления в государстве интенсивных социально-экономических процессов и реформ, что ставит новые задачи и определяет необходимость перехода судов на качественно новый уровень деятельности. Это обуславливает необходимость серьезной государственной поддержки и применения программно-целевого подхода для привлечения дополнительных ресурсов в целях повышения эффективности деятельности судов.

Определены перспективы развития судебной системы. Реализация Программы должна обеспечить повышение качества осуществления правосудия, а также способствовать совершенствованию судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Для достижения указанных целей должны быть решены следующие задачи:

- обеспечение открытости и доступности правосудия;
- создание необходимых условий для осуществления правосудия;
- обеспечение независимости судебной власти;
- построение эффективной системы исполнительного производства, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения;
- модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ.

В рамках реализации Программы предусматривается выполнение комплекса мероприятий по следующим направлениям:

- информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы;
- строительство, реконструкция и приобретение зданий для судов, Федеральной службы судебных приставов и государственных судебноэкспертных учреждений Министерства юстиции РФ;
- оснащение зданий судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности, а также обеспечение судей мобильными устройствами тревожной сигнализации, действующей вне зданий судов;

- внедрение современных информационных технологий в сфере судебно-экспертной деятельности, включая укрепление их материально-технической базы и оснащение лабораторий судебной экспертизы современной приборной базой;

- внедрение современных технологий в систему исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, включая создание единой автоматизированной информационной системы Федеральной службы судебных приставов и создание электронного архива для хранения электронных документов с целью перехода на принудительное исполнение в электронном виде;

- обеспечение судей жилыми помещениями, предоставление работникам аппаратов судов и Судебного департамента при Верховном Суде РФ субсидий на приобретение жилых помещений.

Итак, развитие судебной системы не является чем-то случайным. Оно основано на двух основных факторах: осмыслении этого явления и осмыслении его существования в правовой жизни страны. Сегодня эту тенденцию результативного взаимодействия и взаимовлияния продолжает Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», основные моменты которой мы рассмотрели в данной главе и которая, безусловно, требует более глубокого самостоятельного изучения.

Вне сомнения, совершенствование судебной системы и системы юстиции получит дальнейшее развитие в ходе реализации государственных реформ.

Достаточно перспективным в сфере развития правосудия представляется Альтернативное урегулирование споров. Как совокупность процедур, способствующих внесудебному разрешению противоречий и конфликтов, – Альтернативное урегулирование споров имеет большие перспективы в развитии, способно значительно разгрузить работу судов, вследствие низкого уровня затрат. Альтернативное урегулирование споров может стать популярной вследствие упрощенной и понятной сторонам процедуры судебного разбирательства, конфиденциальности, возможности участников конфликтов получить контроль над деятельностью лиц, которые будут урегулировать их конфликт, Альтернативное урегулирование споров способствует также минимизации коррупционной составляющей.

Альтернативное урегулирование споров, различные согласительные процедуры получили в XX столетии широкое применение в зарубежной, особенно в европейской юридической, а также в психологической и педагогической практике. В Европе, США, Австралии и ряде других стран, «альтернативное правосудие» имеет богатую, уходящую в глубину веков традицию, начиная с римского права и аналогий в корпоративном праве средневековых гильдий и университетов, в каноническом праве, в практике нового и новейшего времени, а его развитие теоретически обосновано Р. Фишером, У. Юри и другими исследователями. В правовых государствах с развитым гражданским обществом альтернативные юридические процедуры достаточно развиты и широко распространены, а возможность получения данного вида услуг известно населению.

В России альтернативные юридические процедуры считаются нововведением, копирующие «западный» правовой опыт. В научной литературе не прослеживается собственного исторического опыта альтернативных юридических процедур. Однако, как и в зарубежной практике, корни согласительных процедур уходят корнями в народные традиции примирения и могут быть прослежены как в крестьянских общинных судах, известных на Руси издревле. В Российской империи третейские суды для гильдейского купечества, особенно в XIX столетии, также широко известны. В научной литературе описаны примеры примирения сторон по делам кавказских горцев, у народов Поволжья, Урала. В советское время существовала практика «товарищеских» судов, имевших воспитательное значение, а также попытки примирения в ЗАГС супругов, подающих заявления на развод. То есть, примеров, в том числе позитивных, много и они анонсируются автором (В.Ц.) в виде отдельного исследования «Теория и исто-

рия альтернативных юридических процедур». Исторический опыт, связь истории с современностью, должны способствовать теоретическому обоснованию развитию и широкому применению альтернативных юридических процедур в отечественной юстиции.

В настоящее время как перспективные альтернативные юридические процедуры, которые могут получить применение в России, нужно назвать медиацию, третейский суд, переговоры, фасилитация.

Как одна из технологий альтернативного решения и урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны, будет реализована медиация. Выработать определенное соглашение по спору помогает медиатор, при этом стороны контролируют весь процесс принятия решения по урегулированию спора и обстоятельства его разрешения с обязательностью соблюдения условий и правил ведения, очередностью действий, фаз. Медиация также основывается на принципах добровольности, конфиденциальности, взаимоуважения, равноправия сторон, нейтральности и беспристрастности медиатора и прозрачности всей медиаторской технологии. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» определил предмет регулирования и сферу действия примирения в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений. Федеральным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Медиация, как альтернативная юридическая процедура может получить в отечественных условиях хорошие перспективы для развития.

В генезисе медиации на современном этапе нужно отметить начало подготовки профессиональных медиаторов в ряде вузов страны, в том числе по официальной, лицензированной программе в РПА Минюста РФ, в РАП и в других образовательных учреждениях.

В альтернативных юридических процедурах большое значение могут иметь два вида третейских судов. Первый вид третейского суда образуется сторонами для разрешения конкретного спора, для частного случая. Второй вид третейского суда создается и действует на постоянной основе при образовавших его юридических лицах. Субъекты гражданских правоотношений своим соглашением могут передать на его рассмотрение этого суда как впервые возникший спор, так и споры, которые могут возникнуть между этими сторонами в будущем.

Третейское разбирательство может использоваться для разрешения споров между гражданами вообще, а также быть использовано коммерсантами в спорах между собой в пределах их компетенции, в соответствии с законодательством. Государство, в исключительных случаях, может участвовать в третейском споре в качестве участника гражданского правоотношения. Предполагается, что третейский суд может получить в России большие перспективы в формировании и развитии.

К альтернативным юридическим процедурам относятся также Переговоры. Выделяются виды переговоров в рамках конфликтных отношений и в условиях сотрудничества. Психологи акцентируют внимание на возможность развития методики, когда в ходе регулирования конфликта и после него, бывшие соперники начинают сотрудничать. Совместно с профессиональным психологом-переговорщиком, участники переговоров могут достигнуть компромисса, согласиться на асимметричное решение, найти принципиально новое решение путем сотрудничества при взаимных уступках сторон конфликта, отсутствия коррупционной состав-

ляющей и предвзятости переговорщика. Также, как и другие альтернативные юридические процедуры, переговоры тоже могут получить дальнейшее развитие.

Фасилитация, то есть, содействие, предполагает правовую, консультационную, организационную, методическую помощь сторонам самостоятельно прийти к соглашению или к примирению и на данный момент еще не получила в России распространение и известности.

Альтернативные юридические процедуры часто называют также «Согласительными процедурами», охватывающими все виды посредничества и содействия в урегулировании и разрешении конфликтов и являются отдельным предметом исследования. В российских реалиях и в отечественных правовых особенностях, альтернативные юридические процедуры, скорее всего, найдут свое место в системе юстиции, в сфере правосудия.

В русле продолжения реформ, анонсированного на последующий период истории страны, в 2012 г. произошли изменения, затронувшие систему юстиции страны, осуществился переезд Конституционного Суда из Москвы в Санкт-Петербург. Президент В. В. Путин не исключил возможности переезда на исходе 2012 г. в северную столицу России также Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Итак, перспективы развития судебной системы и системы развития юстиции в России закономерно связаны с общими тенденциями развития страны на ее сложном переходном историческом этапе Современная эпоха великих исторических преобразований, проблем, с которыми Россия столкнулась впервые, невозможно преодолеть без становления независимой судебной власти и соответствующей правовому государству системы юстиции. В этой связи заключительная глава книги показала, насколько тесно переплетены теория и практика развития судебной системы, которое получило новый импульс с принятием программы развития судебной системы России до 2020 г. Таким образом, продолжение реформ суда и юстиции в России закономерно. Другой альтернативы развития у России нет.

По настоящему независимой судебной власти в истории нашей страны еще не было, она только появляется на коротком историческом промежутке настоящего времени. Что такое десятилетие, в более чем тысячелетней истории? Оно сопоставимо с долей секунды в веке времени человека. Для описания реальной судебной власти в правовом государстве с названием Россия история еще не отвела своего времени. Хочется надеяться, что это станет достойным предметом объективного исследования последующих поколений.

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Тема 1

Предмет, метод, цели и задачи, источники и историография истории правосудия в России

Материал, положенный в основу данного издания соответствует конспекту лекций, согласно тематическому плану названного курса для магистерских программ, курсов повышения квалификации и для теоретической подготовки медиаторов и третейских судей.

Объект курса – теория и история правосудия и альтернативных юридических процедур в России, а предмет – комплексное изучение процесса становления и последующей эволюции отечественного правосудия и согласительных процедур.

Задачи курса. Знание этого курса необходимо студентам как будущим специалистам – юристам, так как в процессе обучения развивает способности аналитического мышления и теоретического обобщения, научно-исследовательской работы. Данное учебное пособие подготовлено для более качественного изучения названного курса.

Учебное пособие должно способствовать оказанию помощи студентам, изучающим спецкурс, в освоении нормативного материала, научно-теоретического опыта исследований и уже имеющейся учебной литературы. Освоение данного курса должно способствовать адаптации студентов к более качественному осмыслению позитивного опыта в эволюции правосудия в России, следовательно, к пониманию современной отечественной судебной системы. То есть, комплексное назначение курса состоит в привитии студентам суммы знаний, умений и навыков, необходимых для последующей учебы и профессиональной деятельности.

Изучение названного курса способствует освоению обучающимися необходимыми историко-правовыми знаниями по истории отечественных судебных органов и развитию процессуального права России. Спецкурс способствует формированию гражданской позиции юриста.

Задачами курса является также изучение эволюции структур, институтов и механизмов суда. Изучение взаимодействия и взаимообусловленности судебных структур и правовых институтов тоже является задачей курса. До изучения основных дисциплин, студент знакомится с практикой развития государства и права на конкретных исторических примерах. В связи с этим «История суда России» изучается на начальных курсах обучения.

Периодизация курса. Курс охватывает хронологические рамки с периода древнейших государств (I тыс. до н. э.), образования Древнерусского государства по настоящее время (начало III тыс. н. э.), т. е. исторический опыт более чем двух с половиной тысяч лет. Столь длительный исторический путь развития логично подразделить на периоды, которые прошел суд в процессе своей эволюции и становления. Периодизация в истории суда носит оттенок относительности, исходя из критериев, подходов к ее обоснованию. Поэтому существуют несколько видов периодизаций, имеющих отличия друг от друга.

Периодизация курса по общественно-экономическим формациям, способам производственных отношений (рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический) подразумевает формационный подход, свойственный советской науке, и поддерживаемый рядом современных ученых. В этом случае необходимо выделить периоды рабовладельческий (с I тыс. до н. э. и до VI столетия н. э., феодальный с IX в. н. э. до 1861 г., буржуазный с 1861 по 1917 г. и период социалистический (попытки построения коммунизма)

до распада СССР в 1991 г. Но в данной схеме много условностей и парадигм, поэтому и вопросов к ней.

Периодизация курса возможна и по политическим периодам. Такой способ периодизации более характерен для цивилизационного подхода и подразумевает следующие ременные отрезки: зарождение суда в древности, возникновение судебной деятельности до Древнерусского государства; эволюция суда от Древней Руси и формирования современной судебной системы в 1990-е гг. Современный период генезиса суда от реформ, начавшихся в 1993 г. и, возможно, имеющих свое продолжение (исходя из программных заявлений о необходимости дальнейшей судебной реформы). Но и эта схема весьма условна, не менее догматична, следовательно, вызывает не меньше вопросов.

Можно также абстрагироваться от исторических периодов и предложить периодизацию, основанную на известных источниках, характеризующих вехи в истории суда, судебных реформ и соответствующих памятниках законодательства, например, от Русской Правды и до Конституции 1993 г. Но такая схема будет достаточно сложной, громоздкой и более подойдет для монографии, но не для учебного пособия.

Как видно из вышеизложенного, логично некое соотношение способов периодизации. Исходя из этого, авторский подход в периодизации заключается в обобщении позитивного опыта трех из множества подходов, уточнения и детализации периодов. Поэтому в истории отечественного суда, исходя из авторского осмысления курса, можно предложить пятнадцать периодов, раскрывающих суть не только формаций, исторических периодов и вех в истории законодательства, но и наличие общепризнанных периодов в истории отечественного государства и права.

1. Суд в первобытном обществе и в древнейших государствах на территории России до образования Древнерусского государства.

2. Суд и процесс в Древнерусском государстве.

3. Суд в Золотой Орде, в русских землях периода ордынского ига и в средневековых государствах на территории России.

4. Суд и процесс в Новгороде и в Пскове, в удельных Русских княжествах до образования единого централизованного государства.

5. Суд и процесс в Русском государстве по Судебникам 1497 и 1550 гг.

6. История суда и процесса в России XVII в. по Соборному Уложению 1649 г. Формирование Церковного суда.

7. Суд в России при Петре I и в первой половине XVIII в. (формирование суда Российской империи).

8. Суд и процесс во второй половине XVIII – первой половине XIX в. от судебно-административной реформы Екатерины II, кодификации права М. М. Сперанского и до буржуазной судебной реформы.

9. Судебные уставы России 20 ноября 1864 г. Суд и процесс по судебной реформе 1864 г.

10. Судебная контрреформа, суд и процесс в России в 1889–1917 гг. Окончание формирования суда в национальных окраинах Российской империи.

11. История Советского Суда 1917—1920-е гг. Становление советской репрессивной судебной системы.

12. История Советского Суда в 1930-е – 1941 гг. Совершенствование советского суда и окончание формирования тоталитарной репрессивной системы.

13. Суд и процесс в СССР в годы Великой Отечественной войны.

14. Суд в СССР в 1945—1950-х гг. Восстановление социалистической законности.

15. Суд в СССР в 1960—1991-х гг. периода кризиса социализма.

16. История становления судебной системы в современной России с начала судебной реформы в 1993 г. до настоящего времени может быть рассмотрена как отдельный период, где история соприкасается с современностью.

Тематика учебного пособия, логика его построения соответствуют обозначенной периодизации.

Источники могут рассматриваться и как составная часть истории отечественного государства и права, и как специальная историко-правовая дисциплина, но в любом случае в рамках общепринятого подхода к источниковедению.

Как известно читателю из изучения предыдущих историко-правовых дисциплин и отечественной истории, существуют общепризнанные юридические и исторические источники различных видов и типов, в зависимости от классификации. Курс основан на сумме таких источников (как признается теорией государства и права), группирующихся по периодам. Среди них выделяются правовые обычаи, договоры нормативного содержания и нормативные правовые акты. В общем, соотношение источников, их общее и особенное, внешняя сторона и внутренняя сторона тождественна понятию форма (источник) права, с соответствующим подразделением на виды. Кратко рассмотрим наиболее знаковые, выделяющиеся памятники законодательства из уже известных видов источников права.

Источников права античности, законодательства о суде и процессе в древнейших государствах не сохранилось или они еще ждут своего исследования, об этом периоде сведения есть лишь в косвенных данных, в различных реконструкциях. Больше известно только о некоторых фрагментах рассмотренных судом дел, исполнения наказаний, как правило, в косвенном изложении.

Памятники законодательства говорят нам о том, что суд и юстиция в Древнерусском государстве уже опирались на законы Русской Правды (известно три редакции, более ста списков), княжьи уставы и материалы раннего канонического права.

Суд и юстиция в Новгороде и в Пскове, в удельных Русских княжествах основаны на Новгородской судной грамоте, Псковской судной грамоте, на пространной и сокращенной редакциях Русской Правды.

Суд и юстиция в Русском государстве изучается по Судебникам Ивана Великого 1497 г. и Ивана Грозного 1550 г., а также по закону Стоглава 1551 г., хотя памятников законодательства этого времени намного больше (книги приказов и т. д.).

История суда и юстиции в России XVII столетия в рамках спецкурса рассматривается по Соборному Уложению 1649 г., по документам, известным как новоуказные статьи и др.

В истории суда и юстиции в России при Петре I и в первой половине XVIII в. выделяются источники, отражающие реформы, связанные с созданием системы юстиции Российской империи, созданием иерархии инстанций, Сената, Синода (1721 г.), Коллегий (1717–1718 гг.), Главного Магистрата (1721 г.).

Круг источников о суде и юстиции второй половины XVIII – первой половины XIX вв. включает в себя акты реформ Екатерины II, среди которых Учреждения для управления губерний (1775 г.), Жалованные грамоты дворянству и городам (1785 г.), Устав благочиния (1783 г.), источники, отражающие становление земского, совестного суда, расправ. Для источниковедения законодательства России большое значение имеет систематизированная публикация актового материала, осуществленная М. М. Сперанским, создание Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) и Свода законов Российской империи (СЗРИ), Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, создание министерства юстиции.

Источники о суде и юстиции по судебной реформе 1860-х гг. включают в себя судебные уставы и материалы по реформе юстиции.

Следующая группа источников отражает контрреформы, суд и юстицию в России в 1889–1917 гг. Среди них нужно выделить Положения о земских и губернских учреждениях (1890 г.),

Городовое положение (1892 г.), Чрезвычайные меры 14 августа 1881 г. и другие материалы. Дисциплинарное присутствие Сената (1885 г.), судебные акты 1881, 1889 гг., Положение о земских участковых начальниках 12 июня 1889 г., документы об изменении компетенции суда по актам контрреформы, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1885 г.) – вот перечень основных источников данного неоднозначного периода в истории отечественного суда и юстиции. К ним можно добавить редакцию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, документы Основных законов Российской империи, предложения по судебной реформе в I–IV Государственных Думах и внесенные временным правительством. В общем, законопроекты, тем более нереализованные, – слабо изученная часть историко-правового источниковедения, она также выходит за пределы изучения спецкурса.

История советского суда и юстиции в 1917–1920 гг. – следующая страница в источниковедении России. Здесь знаковые документы о создании Советского суда, о судебной практике местных советов, ВЧК, РККА, НКЮ, советской милиции и о внесудебных расправах. Учреждение советского суда по Декретам о суде № 1 и № 2 происходит в 1918 г., издан Декрет о красном терроре (1918 г.), учреждены Ревкомы (1919 г.), Ревтрибуналы. Судебная реформа 1922 г. и ее акты, унификация суда в 1920-е гг., положения о прокурорском надзоре и судоустройстве, создание институтов народного судьи, народных заседателей, губернского суда, Верховного суда, учреждений юстиции также отражаются в источниках того времени.

Для характеристики периода имеют значение документы, существовавшие тогда как актовый материал, отражающие так называемую «революционную законность»: о рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), преобразование ВЧК в ГПУ (1922 г.), военная реформа 1924–1925 гг., источники о советском военном суде, о «красном» и «белом» терроре, о многочисленных внесудебных расправах и как бы судебных решениях правительств, относившихся к «красным», «белым» и иным властям и т. д. Логическим завершением данного этапа являются материалы судебной реформы 1922 г., положение об адвокатуре 1922 г., о прокуратуре 1922 г., учреждение Верховного суда РСФСР по Конституции 1924 г., кодексы 1922–1924 гг. Вместе с тем создание советского права не прекратило беззакония Гражданской войны, о чем говорят судебные процессы 1920-х гг. и оставшиеся документы по существу дел.

История советского суда и юстиции в 1930–1941 гг. показывает эволюцию внесудебного преследования (Особое совещание при НКВД, основанное в 1934 г., «двойки»), ОГПУ, система Главного управления лагерей (ГУЛАГ), НКЮ. В 1930-х гг. вносились изменения в действующее законодательство о суде прокуратуры соответственно Конституции СССР 1936 г. и о нотариальной деятельности, вышло новое положение об адвокатуре (1939 г.).

Суд и юстиция в годы Великой Отечественной войны в отражении источников говорят об изменениях в процессуальном праве в 1941–1945 гг. Приказ НКО СССР № 227 (28 июля 1942 г.), материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (2 ноября 1942 г.) и деятельность комиссии, отраженная в источниках – весьма важный для изучения аспект в истории. Завершающими документами по истории суда в годы Великой Отечественной войны являются опубликованные стенограммы Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг. и Токийского суда 1948 г.

Источники послевоенного периода СССР 1945–1950-х гг. говорят о восстановлении советской судебной системы, отмене чрезвычайных мер, даже о выборах народных судей в 1946 г., об амнистии 1945 г., отмене смертной казни, и это свидетельствует как бы о либерализации права. В действительности, ряд актов иллюстрирует наступление «апогея советского тоталитаризма». Амнистия 1953 г., последующие дела об изобличении Берии, других «врагов народа» и «шпионов», XX съезд КПСС 1956 г., разоблачение культа личности Сталина нашли отражение в явлении, названном «укреплением социалистической законности», что зафиксировано в актах об изменениях в народном суде, повышении роли прокурорского надзора (май

1953 г.), реорганизации МГБ в КГБ, упразднении ГУЛАГ, министерства юстиции в 1956 г. и в материалах о реабилитации 1953—1960-х гг.

Суд и юстиция в СССР 1960—1991-х гг. и история становления судебной системы в современной России отражены в еще большем количестве источников, особенно после принятия Конституции СССР 1936 г. Система суда и юстиции Советского Союза исследуется по законам о Верховном суде, прокуратуре, государственном арбитраже, адвокатуре 1979—1980 гг.

Процесс становления современной системы юстиции России можно проследить по Конституции 1993 г. и последующим актам о реформах и реорганизациях органов и учреждений юстиции в РФ. Данный период находится уже на стыке истории и современности.

Рассмотренные здесь историко-правовые источники опубликованы как отдельно, так и в различных сборниках документов, хрестоматиях, бюллетенях, в периодических изданиях и т. д. Обобщающая, справочная и учебная литература, как правило, отсылает читателей к наиболее доступным публикациям законов и подзаконных актов по интересующей читателей тематике:

1. Высшие центральные и государственные учреждения в России 1801–1917 гг. В 4 т. / ред., сост. Д. И. Раскин М., 1998–2002.
2. Декреты Советской власти. Т. 1–5. М., 1957–1989.
3. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семьгин Г. Ю.* Судебная власть России: история, документы. В 6 т. / отв. ред. Л. Б. Алексеева. М., 2003.
4. Основные законодательные акты по советскому государственному строительству и праву. М., 1972.
5. *Поришнев В. П., Славин М. М.* Становление правосудия Советской России 1917–1922 гг. М., 1990.
6. Российское законодательство X – XX вв. В 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994.
7. *Щечоев В. К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. Ростов н/Д, 2000.
8. *Щечоев В. К., Орлова Н. Е.* История государства и права России XIX – XX вв. Ростов н/Д., 2000.
9. *Чистяков О. И.* Отечественное законодательство X – XX вв. Т. 1–2. М., 2000.
10. *Чистяков О. И.* Советское государство и право в период Гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.). Вып. 2. М., 1994.
11. *Чистяков О. И.* Создание советского государства и права (октябрь 1917–1918 гг.). Вып. 1. М., 1994.
12. Советская прокуратура: сб. докум. М., 1981.

Стоит также обратиться к законодательству и документам, имеющимся в электронном виде, на дисках или в ином контенте, в интернете, а также к опубликованным материалам из архивов.

Историография истории суда и юстиции в России. В изучении истории суда и юстиции, как и в российской историко-правовой науке можно выделить три больших этапа (досоветский, советский, современный). Первый период развития отечественной историко-правовой науки охватывает время от зарождения исследований до советского времени.

После появления в XVIII столетии исторической, а в XIX столетии историко-правовой науки, история юстиции длительное время не была предметом самостоятельных исследований. Тем не менее элементы исследований В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина раскрывают вехи в истории юстиции нашей страны. С середины XIX столетия появились труды М. Т. Каченовского, Н. В. Калачева, М. П. Погодина, Н. И. Надеждина, дающие больше информации о памятниках права. Поэтому в исследованиях И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Пла-

тонова и других классиков из исторической науки выделяются уже самостоятельные отрасли и направления в истории права, и среди этих направлений появляется тематика истории суда и юстиции.

В советское время история суда и юстиции была также представлена в историко-правовой литературе. Например, в работах С. В. Юшкова, Б. Д. Грекова, А. А. Зимина, Л. В. Черепнина представлен исчерпывающий анализ таких памятников права как Русская Правда, Судебники XV–XVI вв., Соборное Уложение, законодательство эпохи абсолютизма. Большой объем информации содержит многотомный труд «Российское законодательство X – XX вв.» под редакцией О. И. Чистякова^[1], различная учебная литература по истории государства и права^[2]. В названной здесь научной литературе предложены материалы для исследования по тематике органов и учреждений юстиции.

Из современных изданий наиболее подробно история суда отражена в исследовании судебной власти О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева, Г. Ю. Семыгина и в истории судебной власти России В. И. Власова. История мировой юстиции рассмотрена в монографиях А. Н. Сачкова^[3] и в ряде диссертаций^[4]. Репрессии против инакомыслящих в советское время подробно исследованы в трудах Л. П. Рассказова о карательных органах в СССР, о диссидентском движении^[5].

Исследования о судебной власти и системе юстиции в современном политико-правовом поле России возникают в 90-х гг. XX в.; появившись в Декларации Съезда народных депутатов РСФСР «О государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 г., 21 апреля 1992 г. термин был введен в Конституцию РСФСР. В нынешней Конституции РФ этот термин был воспроизведен.

Из современных исследований правосудия и юстиции через призму судебной власти можно выделить работы о пределах судебной власти Е. Б. Абросимова, о признаках судебной власти – Х. У. Рустамова и А. С. Безнасюка. Рассматривается также вопрос о функциях судебной власти. Судебная власть в некоторых исследованиях определяется как консенсуальный институт устранения конфликтов между другими ветвями государственной власти^[6]. З. С. Лусегенова дает определение судебной власти как системы деятельности суда по осуществлению принадлежащих ему публично-правовых полномочий в установленных государством правовых формах и процедурах^[7]. Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев в этой связи отмечал, что процесс построения государства на основе законности не идентичен процессу построения правового государства.

Представляют интерес также работы М. В. Баглая^[8], Н. А. Колоколова^[9] и других исследователей, затрагивавших исторические аспекты генезиса судебной власти, обобщенные в монографии В. Н. Цыганаша^[10]. У Н. А. Колоколова находим: судебная власть – институционализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание. Судебная власть – это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов. Судебная власть характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью^[11].

В обобщении опыта отечественной историографии о 200-летию министерств России А. С. Сенин обратил внимание на проблематику становления министерской системы управления. Автор справедливо отметил, что министерствам не повезло в отечественной историографии. История министерств подробнее изучалась в дореволюционной России (например, работы А. Д. Градовского и Н. М. Коркунова). В начале XX столетия к вековому юбилею министерств каждое из них (в том числе, Минюст) опубликовало детальное описание своей деятельности. В дореволюционной историографии позитивно выделяется исследование С. П. Покровского «Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование» (Ярославль, 1906).

Автор скрупулезно рассмотрел и обобщил источники и исследования в аспекте взаимоотношения министров с верховной властью.

В советский период наиболее интенсивно историей министерств занимались ученые Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), где в 1952 г. была создана кафедра истории государственных учреждений и сложилась научная школа, которую возглавил Н. П. Ерошкин. Он стал автором классических исследований «История государственных учреждений дореволюционной России», где подробно было изложено развитие всех российских министерств, и «Министерства России первой половины XIX века» (М., 1980). Широко известна также книга Н. И. Ефремовой «Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование», вышедшая в 1983 г. В ней автор отметила, что остаются еще не исследованными вопросы о значении министерства юстиции в политической системе Российской империи и практическая деятельность Минюста.

В общем, тематика истории Минюста не пользовалась в советское время вниманием научной общественности. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появились крупные исследования и статьи о министерствах Российской империи, в том числе о Минюсте. Особо следует выделить издание «Высшие и центральные государственные учреждения России». В 2000–2002 гг. вышли монографии А. А. Мироноса, другие работы. В рамках подготовки к 200-летию министерской системы управления первыми опубликовали очерк своей истории Министерство внутренних дел и Министерство юстиции.

История юстиции в настоящее время все чаще становится предметом исследования, что отражено как в учебных, так и в научных изданиях. Из всей гаммы литературы по данному предмету стоит обратить внимание на исследования по истории юстиции в Российской правовой академии министерства юстиции РФ, особенно важны юбилейные сборники, посвященные 200-летию Министерства юстиции России (2002 г.) и 40-летию Российской правовой академии. Более современное издание «Министерская система Российской империи» представляет собой снабженный историческими очерками, биографическими справками, комментариями, указателями (государственных учреждений и именным) сборник документов по истории министерской системы в Российской империи 1802–1917 гг., т. е. есть ограниченный хронологическими рамками^[12].

Для более подробного изучения предмета полезно обратиться к монографиям И. М. Железко, Ю. И. Стецовского и др., а также к современным диссертационным работам по истории суда, юстиции, адвокатуры и нотариата, где раскрывается ряд актуальных и наименее исследованных аспектов становления и развития органов и учреждений юстиции в России, рассматриваются наиболее острые вопросы их организации и деятельности (см. список литературы).

Из периодических изданий необходимо назвать ведомственные, такие как «Российская юстиция» – ежемесячный журнал, учредителями которого являются Администрация Президента России, Министерство юстиции РФ и Верховный Суд РФ. Журнал выходит с 1 января 1922 г. (в 1922–1929 гг. издавался под названием «Еженедельник Советской Юстиции», а в 1930–1993 гг. он назывался «Советская юстиция»). Другой ведомственный журнал «Российское правосудие» издается ежемесячно с 2006 г. Российской академией правосудия и тоже является высоко-рейтинговым.

Такие издания адресованы не только адвокатам, нотариусам, судьям, практическим юристам, но не менее интересны студентам, аспирантам и преподавателям юридических и исторических факультетов. Кроме статей по основной тематике они публикуют много полезных работ историко-правовой направленности.

Отдельным блоком в историко-правовой науке рассматривается история адвокатуры, нотариата, системы исполнения наказаний. В настоящее время история нотариата и адвокатуры в России исследуется достаточно подробно, особенно в свете последних демократических

преобразований, основываясь на методологических аспектах таких ученых, как Л. Ю. Грудцына, М. П. Шаламов и др., под влиянием публикаций и работ Г. М. Резника, А. Г. Кучерены, С. А. Деханова, С. Н. Исанова. Учебная литература по адвокатуре и нотариату также обращается к историческим корням этих институтов. В качестве примеров можно привести классическую работу по истории адвокатуры в Российской империи И. В. Гессена, а также учебник для вузов по адвокатуре в России Л. А. Демидовой и В. И. Сергеева и учебные пособия А. В. Гриненко, Ю. А. Костанова, С. А. Невского, снабженные добротными библиографическим и вспомогательным аппаратами. Более доступным из современных изданий являются книги по истории адвокатуры Ю. И. Стецовского^[13].

Необходимо отметить также многочисленную литературу по истории правоохранительных органов и еще более обширный перечень трудов по истории их конкретных органов и учреждений. К таким работам следует отнести исследование С. А. Воронцова «Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации: история и современность», вышедшее под ред. С. В. Степашина, книгу Ю. А. Дмитриева и М. А. Шапкина «Правоохранительные органы: учебное пособие для студентов средних профильных учебных заведений», «В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры, 1906–1917 гг.» А. Г. Звягинцева, «Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник для юридических вузов» под ред. В. П. Божьева и другую литературу учебного и справочного направления, а также аналогичные публикации в Российской юстиции^[14]. Достаточно интересна в данном аспекте и доступна для изучения книга В. В. Рыбникова и Г. В. Алексушина по истории правоохранительных органов отечества. В этом учебном пособии представлено развитие русских правоохранительных органов с древности по 2008 г., причем тематика исследования столичных авторов напрямую перекликается с историей юстиции, наконец, книга снабжена отличным библиографическим аппаратом, что в наше время встречается не часто^[15].

Историография становления и развития досоветских, советских и современных правоохранительных органов с точки зрения смежной и близкой к истории суда и юстиции тематикой, была хорошо изложена в диссертации А. В. Малихова, который выделил тематику истории полиции в книгах Ю. В. Готье, и в «юбилейных» работах по истории НКВД. Среди обобщающих работ, подробно представляющих становление и генезис полиции в России, назовем исследования по истории внутренней политики царизма Н. П. Еропкина, Р. С. Мулукаева, К. Г. Федорова и др. Концепция формирования полиции в России весьма убедительно изложена в Кратком историческом очерке истории полиции и в сборнике документов В. М. Курицына, В. В. Альхименко, В. П. Корякова, Р. С. Мулукаева, С. Н. Рожкова, А. П. Яцкова.

Тематика истории юстиции перекликается с историей карательных органов России. Здесь можно отметить книги по истории полиции от периода Петровских реформ до рубежа XIX–XX столетий М. И. Сизикова и других авторов.

В сборнике статей «Страницы истории советского общества» (под редакцией А. Т. Кинкулькина) представлены концептуальные разработки таких специалистов, как П. В. Волобуев, Ю. И. Кораблев (по истории государства и права в 1917–1920 гг.); В. П. Наумов, Ю. С. Борисов, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, В. С. Лельчук, В. П. Данилов (по истории государства и права в 1920–1930 гг.); А. С. Якушевский, Н. Г. Павленко, В. М. Кулиш (по истории государства и права в предвоенные и военные годы); Е. Ю. Зубкова, Н. Н. Разуваева (по истории государства и права в послевоенное время). Исследование Э. Карра относится к зарубежной историографии. В книге содержатся материалы по становлению советских государственных институтов, в том числе милиции. Особенно интересным представляется становление и развитие диктатуры пролетариата, развитие госаппарата в СССР.

Кроме перечисленных авторов необходимо обозначить вклад в историографию и других, писавших об истории милиции. В. В. Власенков и А. Я. Малыгин рассмотрели деятельность

советской милиции по охране общественного порядка в первые годы Советской власти. Такого же плана работы были изданы под редакцией И. А. Кондаурова (Академия МВД СССР). Они представляют собой краткий обзор становления милиции с 1917 г. Юбилейное издание под ред. А. В. Власова, напротив, практически рассматривает становление и развитие милиции в СССР. Книга «Действительно народная» Г. К. Большакова содержит уникальные архивные источники по истории НКВД и МВД СССР. Из региональных исследований уместно упомянуть работы В. В. Макеева.

Советские и современные историки отечественного государства и права в истории правоохранительных органов основное внимание уделяли истории судов, прокуратуры, юстиции. В работах этого плана история адвокатуры, третейских судов менее исследована^[16]. В общем же, названные работы по истории таких правоохранительных органов, как Российская полиция и Советская милиция достаточно тесно переплетены с тематикой истории суда, юстиции и уголовно-исполнительной системы.

Некоторые темы (история разведки и контрразведки) по понятным причинам рассмотрены специфично, особенно если речь идет о советском периоде, но они все же присутствуют в современной историографии. Например, трилогия И. Симбирцева «Первая спецслужба России», «Третье отделение», «На страже трона» (М., 2006) последовательно излагает историю политического сыска, в том числе при последних Романовых, показывает не только судебные процессы и уголовные преследования, но и затрагивает тематику внесудебных расправ от провокаций до террора и тайных убийств. В более обобщенном виде, но с хорошим вспомогательным и библиографическим аппаратом монография Ф. М. Лурье описывает историю политического сыска России (М., 2006)^[17]. Впрочем, данное издание опирается не только на новые обнаруженные источники, но и на ставшие уже классическими произведения Л. М. Колодкина и А. Д. Костылева о прохождении службы чинами полиции и жандармерии Российской Империи (М., 1996), названные работы Б. В. Виленского, М. Н. Гернет, а также Н. В. Черкасовой о развитии адвокатуры в России в XIX в. (М., 1987) и труд А. З. Звягинцева и Ю. А. Орлова «Око государево» о прокурорах XVIII в. (М., 1994), получивший продолжение в книге А. Г. Звягинцева История Российской прокуратуры (М., 2012), книгу В. Г. Бессарабова, в основу которой положена историческая концепция правозащитной, пересекающейся с правоохранительной и надзорной, деятельности прокуратуры в России^[18].

Тематика истории прокуратуры, перекликаясь с темой истории Сената, Юстиц-коллегии и Минюста, здесь может быть представлена книгами С. М. Казанцева о прокурорском надзоре за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX в. в сборнике «Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX в.» (Воронеж, 1987) и другими исследованиями по зарождению и развитию отечественной прокуратуры.

Историография специальных исследований по истории нотариата тоже весьма разнообразна. Вопросы становления и развития нотариальной деятельности изучались такими учеными, как А. Н. Боборыкин, С. К. Богоявленский, Н. М. Голиков, Н. М. Коркунов, А. И. Лаппо-Данилевский, Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев, В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич. Некоторые имена известны более, по причине переиздания, например труды Н. П. Ляпидевского «История нотариата», А. М. Фемелиди «Русский нотариат. История и действующее Нотариальное положение 14 апреля 1866 г.», А. Ф. Мациевича «Настоящее, прошедшее и будущее русского нотариата».

В изучении истории исполнительной системы выделяются классические монографические исследования, например Н. Евреинова «История телесных наказаний в России», М. Н. Гернета «История царской тюрьмы», а также переиздание классической литературы из серии «Российские юридические исследования» под редакцией В. А. Томсинова. Не менее полезны и

его историографические монографии, где на общем фоне истории государства и права России рассмотрены различные аспекты по истории суда и юстиции. Две его книги посвящены классическим работам о корифеях отечественной юридической науки^[19], а ожидающийся анонсированный третий том должен ознакомить с работами современных выдающихся исследователей истории государства и права, где наверняка будет предложена интересующая читающую публику тематика по становлению судебной власти и юстиции в нашей стране. Кроме монографической литературы стоит обратить внимание на публикации Г. А. Аванесова, З. А. Астемирова, А. С. Кузьминой, П. М. Лосева, Г. И. Рагулина, П. Е. Подымова, Е. А. Скрипилева, Б. С. Утевского, Е. Г. Ширвиндта и др., где содержится значимый материал, раскрывающий различные аспекты пенитенциарной политики.

Становление советских исправительно-трудовых учреждений прослежено в диссертации А. С. Кузьминой. Не менее ценными в освещении исполнительной системы являются также диссертации С. М. Оганесяна и А. С. Смыкалина. Важными обобщающими работами по истории исполнительной системы России можно назвать монографии и диссертации И. В. Упорова, А. А. Трачук и др., анализирующие пенитенциарную политику в России с XVII по XX столетие. Не меньший интерес представляют работы О. Н. Бортниковой и С. П. Звягина, а также описание исполнительной системы на территории Сибири в диссертации В. Ф. Лелюха. Обобщающая историографическая статья по названной тематике Е. Г. Михеенкова в основном рассматривает сибирский регион, где расположены основные учреждения исполнения наказаний^[20]. Из числа современных трудов выделяется коллективное юбилейное издание «Уголовно-исполнительная система. 130 лет» (авторы: С. Х. Шамсунов, В. И. Селиверстов, В. В. Кармовский, Ю. К. Александров). В книге последовательно излагаются материалы, обобщающие развитие исполнения наказаний, начиная с того времени, когда в России было создано единое для всей страны Главное тюремное управление. Авторским коллективом собран уникальный исторический материал, относящийся как к периоду Российской империи, так и к советскому времени, а также отражающий становление современной уголовно-исполнительной системы РФ^[21].

Из гаммы работ современной зарубежной историографии по истории юстиции России позитивно выделяется монография П. Соломона младшего «Советская юстиция при Сталине». Здесь уместно отметить, что профессор права университета Торонто занимается обозначенной тематикой с 1970-х гг., является автором нескольких крупных работ. Поэтому в труде американского ученого присутствует и серьезный историографический материал, и подробная предметная составляющая, и библиография проблематики истории суда и юстиции. Книга Дж. Кипа и А. Литвина интересна не только как историографическое издание, имеющее отношение к советской юстиции, но и как источниковедческая работа, рассматривающая архивы и документальные материалы^[22].

Итак, в историографии проблематики отечественной юстиции в общем, а также ее органов и учреждений можно выделить наиболее доступные, обобщающие работы, снабженные библиографическим аппаратом, выводящим исследователя к другим, более специализированным либо менее доступным трудам. Из списка литературы, размещенного в конце книги, можно предложить десяток публикаций (помимо учебников по Истории отечественного государства и права, где есть соответствующие параграфы), как правило, имеющих в фондах библиотек юридических факультетов и дающих общее представление об истории органов и учреждений юстиции России (см. № 2, 3, 4, 10, 13, 21, 27, 33, 41, 46).

Подводя итог состояния исследований по истории органов и учреждений юстиции России, уместно напомнить о необозримом количестве публикаций в ресурсах интернета, по объективным причинам не включенных в данный историографический обзор.

Кроме того, существуют библиографические описания, близкие к историографии. Историко-правовая библиография тоже со временем станет специальной историко-правовой дис-

циплиной. Пока же автор отсылает заинтересованного читателя к обозначенным в историографическом обзоре книгам, в которых имеются как списки литературы, так и богатый вспомогательный аппарат (сноски, указатели, глоссарии и т. д.).

Учебник по разным причинам не может дать подробную информацию по вопросам, поставленным перед автором в названии вводной темы. Тем более литература начального уровня исследования не может восполнить проблемы, связанные с историографией и источниковедением. Для этого стоит обратиться к монографическим изданиям и соответствующим диссертациям. Учебник только нацеливает заинтересованных читателей на самостоятельное, более углубленное изучение аспектов, обозначенных во введении, и проблематики последующих тем, рассматриваемых в данной книге.

Юридическое архивоведение и библиографические указатели дополняют историко-правовую историографию юстиции. Например, в изданном недавно в 4-х томах путеводителе по Российскому государственному историческому архиву^[23] есть сведения о составе и содержании фондов данного архива. В путеводитель включены сведения обо всех хранящихся в архиве фондах, в том числе поступивших в архив за последние годы (с 1956 г.) и рассекреченных, а также сведения о фондах центральных государственных органов и учреждений суда юстиции России.

Подобные издания описывают как центральные, столичные архивы, так и местные, региональные архивные данные. Публикации рассчитаны на широкий круг профессиональных исследователей отечественной истории государства и права, занимающихся поиском документов в архивах с научной целью.

Библиографических справочников и указателей историко-правовой направленности тоже имеется в достаточном количестве. Одно из удачных современных переизданий рассматривает классическую досоветскую литературу по истории права Российской империи^[24]. В несколько «облегченном» варианте, доступном для читателей, библиографические указатели присутствуют в большинстве приведенных в историографическом обзоре изданий, в том числе и в книге, которую читатель держит в руках.

В общем, существует необозримое количество литературы историко-правовой направленности, немало исследований, содержащих сведения об истории отечественной юстиции и несколько книг непосредственно по данному предмету. Поэтому при изложении историографического материала автор ограничился упоминанием лишь некоторой части источников. В данном учебном пособии уделено большее внимание наиболее доступной литературе, изданной в начале XXI столетия.

Тема 2

История правосудия в первобытном обществе и в древнейших государствах на территории России

Суд в первобытном обществе и в древнейших государствах на территории России реконструируется на примерах Скифии, Боспора, Хазарии.

Скифские обычаи позволяют выявить состязательный судебный процесс и розыскной суд. Состязательный судебный процесс в «Истории» Геродота проходил следующим образом: «Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Они... изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по имени) принес-де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага, и что из-за этого-де царь занемог. Обвиняемый с негодованием отрицает вину. Если он продолжает отпираться, то царь велит призвать еще предсказателей в двойном числе. Если и они после гадания также признают его вину, то этому человеку сразу же отрубают голову, а его имущество по жребию достается первым прорицателям. Напротив, в случае оправдания обвиняемого вторыми прорицателями вызывают все новых и новых прорицателей. Если же большинство их все-таки вынесет оправдательный приговор, то первых прорицателей самих приносят к смерти. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казнит, дочерям же не причиняет зла». Применение смертной казни к наследникам казненного говорит о нечеткой грани между преступлениями против протогосударства и личной обидой: подросшие сыновья казненного могли в последующем отомстить царю или его потомкам, поэтому сыновья осужденного подлежали смерти вместе с отцом. Действительно, в Скифии встречаются семейные захоронения – возможные свидетельства древнего, «архаичного» судебного обряда.

Один из таких судебных прецедентов, записанный античным историком, несет много ценной информации. Во-первых, можно говорить о состязательном суде, в котором число судей обязательно нечетное: $3 + 6 = 9$; $9 + 18 = 27$ и т. д. (нечетное количество судей имело значение при голосовании). Во-вторых, скифский суд состоял из нескольких заседаний, на которых обстоятельно (в понятиях того времени) взвешивались доводы сторон, принимались клятвы. Сам царь, как видно, не участвовал в судебном разбирательстве, полагаясь на объективность судей. Примечательно также, что пересмотра решения судебного поединка не предусматривалось: имущество обвиненного подлежало конфискации, женщины перераспределялись по другим родам и не обладали правом наследования. Наконец, ложная клятва по этому источнику определяется как преступление с отягчающими последствиями (болезнь царя). Возможно также присутствие здесь и архаичной индоевропейской социальной нормы: «клятвопреступление тождественно убийству своих родственников».

Состязательный суд царя проводился для решения споров между общинниками. Проигравший в таком суде подлежал смертной казни, выигравший пользовался почетом и уважением. Споры между общинниками могли рассматриваться в суде жрецов, который проходил в области, свободной от юрисдикции государства. Там же, у жрецов можно было получить убежище от кровников или врагов.

Таковыми были общие черты скифского и сарматского обычного права, получившие у Николая Дамасского (I в. н. э.) емкое название «Свод странных обычаев». Насколько объективна информация авторов, зафиксировавших перечисленные выше «законы»? Достоверность сведений о «странных обычаях» вполне объяснима, если сопоставить древние обычаи и адаты

народов Северного Кавказа. В этнографии и фольклоре кавказских горцев отчасти сохранились анахронизмы, похожие на обычаи кочевников, и дается объяснение пережитков, уходящих в глубину веков. Кроме того, античные историки фиксировали обычаи скифов и сарматов для того, чтобы ознакомить своих соотечественников-эллинов с нравами соседних народов – союзников и торговых партнеров. Тексты Геродота, Страбона и других писателей носят описательный характер, авторы как бы ставили перед собой задачу объективно отобразить «странные обычаи» соседних с греками народов. Наконец, материальные источники во многом подтверждают наличие в скифо-сарматском мире соответствующих общественным отношениям норм обычного права.

Суд и процесс Боспора был такой же, как и в античной Греции, то есть состязательный истца и ответчика. Точно известно о наличии судебных учреждений в Пантикапее, Херсонесе, такие же судебные учреждения должны были иметь и другие города, обладавшие правами полисов. Субъекты правовых отношений могли быть выходцы как из Греции, так из Пантикапея, а предметом разбирательства в афинском суде иногда служили обязательства, данные в Боспорском государстве. По речам Демосфена видно, что при рассмотрении исков взвешивались такие обстоятельства как неумышленное банкротство вследствие кораблекрушения либо неосторожные действия капитана (перегруз судна). На суде могли фигурировать векселя, залог мог быть денежным или имущественным (товар, судно). Допускалось поручительство и представление в суде интересов третьих лиц. Процесс строился на свидетельских показаниях, в качестве доказательств применялись документы об обязательствах. В своих речах Демосфен широко использовал приемы аналогии права.

Об уголовном праве и уголовном процессе известно меньше. В источниках говорится о преступлениях против государства, царя, должностных лиц, нарушение клятвы. В качестве уголовных наказаний фигурируют смертная казнь и конфискация имущества. Вероятно, по этим видам преступлений существовал инквизиционный суд, решения суда приводились в исполнение специальными чиновниками – судебными исполнителями, что контролировалось пресбевтами. В ряде случаев использовалась экстрадиция преступников. Так при Спартокидах были взаимные обязанности с Афинами по выдаче преступников и подозреваемых. Иногда исторические коллизии позволяют реконструировать и настоящие судебные прецеденты. Например, во времена Траяна епископ Климент, сосланный в Боспор за христианские проповеди, был здесь утоплен. Какую информацию можно почерпнуть из этого сообщения? Во-первых, видно, что по римским законам, за первое преступление полагалась ссылка (Климент был сослан в Боспор), а за рецидив назначалась смертная казнь (т. е. утопление). Во-вторых, Боспор входил в правовое пространство Римской империи (по крайней мере, по уголовным законам во II в. н. э.). В-третьих, на территории Боспорского царства проистекали те же общественные тенденции (распространение христианства, за пропаганду которого следовало уголовное наказание).

Хазарский каганат отличался от предыдущих государственных объединений. О суде и процессе в этом первом феодальном и раннесредневековом государстве Юга России известно немного. Известно, в частности, что внутреннее управление и суд подвластных народов сохранялись в неприкосновенности и соответствующие полномочия возлагались на знать покоренных народов. Отношения между каганом и местными правителями, в том числе и в вопросах подсудности, строились по принципу вассалитета-сюзеренитета. Также известно, что административно территория Хазарского каганата состояла из Хазарии, то есть территории заселенной хазарами и находящейся в управлении, собственно кагана и царя и 25 вассальных государств, в каждом из которых была собственная власть. Подвластные правители скрепляли вассальный союз династическим браком, обязались выплачивать ежегодную дань и предоставлять кагану войско. В обмен местные князья и цари получали достаточно широкую автономию, в том числе право суда над соплеменниками.

Во главе Хазарского государства стоял каган, обладавший также правом высшего суда. Известно, что в Хазарии было два судебно-полицейских учреждения: высший дворец в подчинении кагана и низший дворец, в подчинении царя. Некоторые из каганов уделяли достаточное внимание рассмотрению судебных дел, лично принимали судебные решения. Вторым лицом в государстве являлся царь (визирь), которому принадлежала высшая исполнительная власть, он также обладал судебной властью. В подчинении визиря находились высшие государственные служащие, составляющие диван («кабинет министров») государства, – кендеры. Их функции были регламентированы, узкоспециальны. Кендеры назывались иногда помощниками беков. В качестве государственных служащих кендеры курировали деятельность гражданской и военной администрации, видимо, в их подчинении был местный суд.

Дуализм власти кагана и царя проявлялся в наличии двух государственных органов. В ведении кагана находилась администрация, называвшаяся «Двери высшего царя», царь (визирь) имел собственную приемную: «Двери низшего царя». Компетенция обеих структур заключалась в рассмотрении жалоб от населения страны и принятия соответствующих решений.

Во главе гражданской администрации стояли Тудуны, они являлись, своего рода, губернаторами или наместниками, а также комендантами крупных городов (Саркел, Итиль, Тамарха и т. д.). Тудунам подчинялась налоговая, таможенная, финансовая администрация, они также обладали правом суда. Военные, государственно-охранительные функции выполняли в Хазарии тарханы. Тархан – титул феодала, выполнявшего по поручению сюзерена те или иные государственные, правоохранительные функции, исполняли поручения вышестоящего начальства.

Итак, на примерах древнейших государств можно наблюдать различный уровень организации судебной власти и развития процесса. В отличие от боспорского суда, имевшего много общего с метрополией, у скифов и у хазар суд был архаичным, соответствующим родоплеменному устройству общества, характерному для первобытного общества и ранней государственности.

Тема 3

История правосудия в Древнерусском государстве

В VII–IX вв. у восточнославянских племен наблюдался активизирующийся процесс формирования государственности, а, следовательно, и государственного права. Процесс становления государственного права проявился в конфронтации старого родового и нового государственного права.

Повесть временных лет говорит, что древляне и другие племена «сами творят себе закон» и что их обычаи отличаются от более правильного, с точки зрения летописца, юридического быта полян. Некоторые восточнославянские племена (вятичи и северяне) входили в состав Хазарии, а позднее – в независимое от Киева Чернигово-Тмутараканское княжество Мстислава Великого. Поэтому право у этих племен в некоторых чертах отличалось от права Киевского Древнерусского государства.

Самые древние упоминания о суде славян относятся к периоду хазарского ига, когда в VII–X вв. часть славян оказались подданными этого государства. Первоначально в северной части Хазарского каганата, заселенной славянами, порядок (ряд) регламентировал каган Руси и его судьи. Один из семи судей Хазарии был для славян и других язычников. Сохранившиеся фрагменты правовых обычаев древних славян говорят о том, что имущественные споры и некоторые уголовные дела решал князь. Если мнение князя как судьи оспаривалось, исход дела решал вооруженный поединок. Уголовное наказание было делом жрецов, которым князь отсылал виновного для вынесения ими окончательного решения. Высшей мерой наказания первоначально фигурировала смертная казнь. Известно, что смертная казнь применялась за убийство, грабеж и воровство.

Среди других наказаний отмечается изгнание из рода (изгойство) и штрафы. За нанесение обиды иноземцу определялся штраф в половину имущества.

Семейно-брачные обычаи, основанные на патриархате, допускали многоженство, воровство и выкуп невесты. Имущественные споры в случае развода или смерти главы семьи обычаем не регламентировались.

Конфронтация юридического быта населения юго-восточной окраины Руси с княжеским киевским правом называется дуалистичностью, то есть двойственностью. Дуалистичность права выразилась в казни древлянами князя Игоря. С точки зрения обычного права, Игорь выступал как грабитель, так как нарушал нормы собирать дань единожды в год, а с позиции власти он мог собрать и дополнительную, чрезвычайную дань. Повторное взимание дани вызвало, как известно из летописи, бунт. Игорь был казнен древлянами в соответствии с обычаями, встречавшимися у тюркских народов и славянских племен юго-востока Руси – князь был разорван надвое на деревьях. Последующая борьба Ольги, Святослава и Владимира с древлянами, северянами и вятичами, трансформация полюдья в повоз тоже свидетельствует о дуалистичности права. Князья пытались утвердить государственное право, установить у этих племен свой суд, что вызывало вооруженное противодействие, отмеченное на протяжении X–XII вв.

Дуалистичность права проявлялась также в различии мер наказания по нормам обычного права и государственного законодательства. В 1126 г. арабский путешественник сообщил о применении у славян смертной казни через повешение. Эта мера наказания полагалась за грабеж и воровство. (Здесь нужно отметить, что в XII в. применение казни противоречило ст. 2 Русской правды Ярослава Владимировича).

Договор Олега с греками 912 г. также сообщает о славянском суде. В документе есть сведения об общинном суде у славянских воинов и купцов на территории Византии, что обвинение должно быть признано сообществом славян верным публично, перед свидетелями. То есть

славяне были не подсудны суду империи. Четкого разграничения уголовного и гражданского права не прослеживается. Отмечаются только преступления против личности и имущества. За убийство могло взыскиваться имущество виновного. В случае невозможности взыскать имущество, предусматривалось наказание по праву кровной мести – смерть за смерть. Если уголовные преступления, повлекшие за собой смерть, наказывались исходя из византийского законодательства, то преступления против личного достоинства исходили из «Закона русского». За оскорбление полагалось или возмещение морального вреда серебром, или частичная конфискация имущества, в зависимости от платежеспособности виновного. В случае невозможности оплатить фиксированную сумму (5 литров серебра), преследование прекращалось. Договор Олега с греками различает обстоятельства, при которых совершено преступление, и не допускает внесудебную расправу, кроме случаев вынужденной самообороны и защиты своего имущества. Компенсацией за нанесенный имущественный ущерб служил штраф в тройном размере от суммы похищенного. К воровству приравнивалось и насильственное завладение чужим имуществом без причинения физического вреда потерпевшему. В таких случаях также предусматривался штраф, определяемый в тройном размере.

Косвенно законодательство говорит о существовании не только устных, но и письменных договоров и присяги. Обязательственное право не говорит об обращении взыскания с личности должника (независимо от его национальной принадлежности) по византийскому законодательству или «закону русскому».

Устав князя Владимира Святославовича. В связи с принятием в 988 г. христианства возник вопрос о разграничении прав государственной и церковной властей. Правовое положение церкви характеризует «Устав». Этот акт в соответствии с греческими канонами вводит новый налог – десятую часть от доходов государства в пользу церкви (так называемая «церковная десятина» – ст. 3). Ст. 4 выводит из княжеской и боярской подсудности нормы семейного права. В ст. 5–6 Владимир Святославович запрещает впредь вмешиваться в церковные дела, а ст. 7 перечисляет конкретику дел, передаваемых церковному суду. В указанном перечне фигурируют дела о разводе, прелюбодеяние, нарушение христианского брачного права, изнасилование. К нарушениям церковной нравственности относятся урекание – сквернословие и аморальные поступки. В ведение церковного суда передавались также некоторые дела о наследстве (заднице), а также отправление языческого культа.

В социальную структуру общества вводятся митрополичьи и церковные люди (в Киеве при упомянутой в ст. 3 Церкви Св. Богородицы располагался митрополичий престол). Далее перечисляются лица, которые подсудны только митрополиту, среди них духовенство и миряне, служащие в церкви (ст. 8–9).

Русская Правда Краткой Редакции. Важнейшим юридическим источником Древнерусского государства является Русская Правда.

Тексты Русской Правды дошли до настоящего времени в более чем ста списках. Условно Русская Правда в ее многочисленных списках делится на три редакции:

- 1) Краткая Правда (X–XI вв.);
- 2) Пространная Правда XII–XV вв.;
- 3) Сокращенная Правда (XV в.).

Тексты всех трех редакций по своему составу, древности и конкретике значительно отличаются друг от друга.

Древнейшая часть Краткой Правды составлена до народных восстаний 1068–1071 гг., в ней еще не говорится о двойных вирах (80 гривен), не упоминается и о судебных пошлинах в пользу князя, не сформированы еще правопривилегии. Под самим преступлением понимается только убийство или ущерб здоровью, личности и собственности. За убийства людей независимо от социального происхождения в пользу ближайших родственников убитого взымается 40 гривен. В Правде Роськой существует пережиток «народного суда» – кровной мести. Кровная

месть – родовой обычай, но в Правде Роськой он ограничен раннегосударственным законодательством. Право мести предоставлялось только ближайшим родственникам. Однако месть могла быть заменена денежным эквивалентом (40 гривен), причем без различия социального положения («русин здесь приравнялся к изгою»). Правда Роськая ограничивает судебный и следственный процесс – в государстве еще не сформированы соответствующие институты. Поэтому к праву мести за нанесенную обиду (телесные увечья) допущены только близкие родственники. Еще одной причиной ограничения было избежание самосуда (ст. 2). В других случаях (имущественные преступления) следственный процесс сложнее, т. е. допускается свод (древний судебный обычай установления личности преступника, в дальнейшем законодательстве свод получил развитие). Правда Роськая еще не знает системы доказательств. В статьях фигурирует только свидетель, знающий обстоятельства преступления – видок. В суде рассматривались и клятвы (присяги – «роты»). После досудебного следственного процесса ст. 14 говорит о изводе – суде 12 мужей. Суд по Правде Роськой различает ответственность в зависимости от субъективной стороны преступления против личности (ст. 2–9). Например, в ст. 3 в зависимости от формальной стороны дела и от умысла предусмотрено более строгое наказание, чем в ст. 2. Плата за удар багром, жердью, тяжелой чашей вчетверо больше, чем за простое избиение, вследствие возможных тяжелых результатов такого удара.

В ст. 1 и 5 приравниваются нанесение тяжких телесных повреждений. В двух случаях предусмотрена плата 40 гривен и право мести. Указанное обстоятельство объясняется тем, что потерпевший становился неспособным и не мог впредь содержать семью.

Нанесение морального вреда приравнялось нанесению телесных повреждений, не повлекших потерю работоспособности (см., например, для сравнения ст. 2, 3, 7). А вот ст. 8 уже говорит о том, что правовые понятия отличали неправомерное действие от намерения и попытки совершить таковое, от угрозы действием, равно как степени последствия того или иного преступления. Правовые понятия подразумевают и моральную точку зрения. Например драка, все-таки может быть объяснена личностными или иными субъективными причинами, потому и менее наказуема, а вот причинение увечий было уже тяжким преступлением.

Ст. 9 представляется очень важной, даже концептуальной. Она говорит о «роте» – клятве при заключении договора или в судебном споре при отсутствии свидетелей («видоков», которые еще раз упомянуты в этой статье). «Рота» упоминалась и в русско-византийских договорах. Здесь же «рота» имеет еще значение и в уголовном праве. Статья также подразумевает, что варяг и колбег – иноземцы, и представить свидетелей им сложнее, чем местному населению – отсюда и упрощение следственного процесса.

В общем, законодательство предусматривало довольно мягкие наказания за имущественные преступления, в основном, штраф 3 гривны (без рассмотрения последствий кражи для потерпевшего) и возмещение ущерба потерпевшему. Не зря статьи об имущественных преступлениях помещены после наиболее тяжких – уголовных. Этот факт говорит о ранней государственности, отсутствии острых социальных противоречий, что, в основном, свойственно раннему феодализму. Вот, например, ст. 11–12. За различные обстоятельства кражи коня предусмотрено одно и то же наказание – 3 гривны и возмещение украденного (та же концепция, что и в ст. 10). Но статьи дают различный оттенок преступления. При этом ст. 12 защищает еще и собственность соседской общины – «мира» («верви»). Несколько иной оттенок у ст. 17, где предусмотрены как добровольное признание вины, так и введение следствия в заблуждение. Ст. 13 как бы дополняет ст. 10. Здесь говорится о своде – древнем судебном обычае. Суть обычая заключалась в следующем: истец должен был «идти до конца свода» в пределах одного города. Всего подразумевалось три степени свода. Последний подозреваемый в своде считался преступником. (В дальнейшем свод получил развитие в Пространной Правде). Кроме того, статья говорит об институте поручительства. При этом поручитель также нес материальную и

моральную ответственность. Наконец, в своде могли участвовать только тяжущиеся стороны – истец и ответчик (ответчики).

Ст. 14, кроме упомянутого уже Извода (суда 12 мужей), говорит о высоком уровне правовых понятий. Закон предусматривал, что часть похищенного за время нахождения у вора будет утрачена. Поэтому оговаривалось, что похищенное должно быть возвращено все без остатка.

Ст. 15 также дополняет ст. 10 и дает ценные сведения о следственном процессе. Концепция заключается в следующем: после осуществления свода до конца (иногда предусматривалось три поочередных свода) обнаруживался последний подозреваемый (тать). Как и в ст. 13, последний обязан был возместить все убытки и возбуждал уже новый свод, где выступал первым истцом. Далее процедура повторялась до трех сводов, – и так далее...

Ст. 16 органически вытекает из предыдущих, но впервые говорит о холопе, а не о домашнем рабе – челядине. В феодальном праве холоп не отвечает за свои действия. Ответственность за холопа несет его господин. Кроме того, холоп не имеет имущества, поэтому имущественная ответственность лежит на его господине. С другой стороны, на холопа распространяется обычай кровной мести. Такое положение обусловлено патриархальным характером рабства (холоп был как бы членом семьи). Однако, оскорбление свободного холопом – особенно оскорбительно. Поэтому, даже получив за холопа штраф 12 гривен, потерпевший оставлял за собой право мести. Но отомстить (побить) холопа можно было только вне жилища его господина, т. к. жилище на Руси было неприкосновенно. Без разрешения хозяина посторонние в него не допускались.

Итак, изучение древнерусского права завершается Правдой Роськой. Документ говорит о довольно развитых правовых понятиях, правовой культуре и наиболее частых деяниях – бытовых уголовных преступлениях и воровстве. Преступления против церкви и государства еще не предусмотрены. Следственный процесс – состязательный, с большой долей инициативы тяжущихся сторон. Процессуальная сторона и следствие, в частности, неразработаны. Это объясняется не только ранней государственностью, но и ролью, ответственностью общины в предотвращении преступлений. Если же преступление все же совершено – на общине лежала ответственность в активном ее раскрытии.

Менталитет древнерусского человека также имел значение. Поэтому значение имели и правовые обычаи, рассмотренные выше. В суде имели место не только свидетельские показания, но и клятва («рота»), поединок («поле») и моральная ответственность перед «миром» («вервью»).

В Древнерусском государстве высшей судебной властью обладал князь, ограничений компетенции этого суда не было. Суд по Пространной Правде проходил в «Княжьем дворе» – не только резиденция князя, но и месте, где заседали судьи и тиуны (помощники наместников). Правом суда обладали и наместники князя «посадники». Некоторым из них жаловалось право суда без доклада князю по наиболее опасным преступлениям (убийство, грабеж, татьба).

Самой ранней формой судебного процесса был общинный суд, на котором состязались истец и ответчик. Первоначально, общинный суд «добрых людей» рассматривал как уголовные, так и гражданские дела. Однако, по мере укрепления власти князя компетенции общинного суда ограничивались гражданскими исками. В большей степени общинный суд сохранился в Новгороде и в Пскове, где имел место вечевой суд (разновидность общинного суда).

В Древней Руси по «Суду Ярослава Владимировича» не было разграничения гражданского и уголовного процесса. Сам процесс носил характер открытого и состязательного. Процесс начинался с момента его объявления на торгу («заклич») (ст. 32, 34). Следующим этапом был свод (очная ставка и тяжба сторон) (ст. 35–39). Далее вступало правило «идти до конца свода» в пределах одного города и «до третьего свода» вне города. Последний подозреваемый считался преступником и мог, в свою очередь объявить «заклич» и т. д. Кроме этого старого обычая применялось и следствие («гонение следа») (ст. 77). Розыск преступника мог осу-

ществляться самостоятельно, силами потерпевшей стороны. Привлекались и свидетели. Кроме известных уже «видаков» упоминаются и «послухи» (ст. 47–50). Применялась и присяга (ст. 47). В качестве доказательств говорится о явных (следы побоев, увечья и т. д.) – ст. 29, 31, 67–68.

В Пространной Правде говорится уже о формальных доказательствах («ордалиях»). В таких случаях дело решалось вооруженным поединком («поле»), проводилось «испытание железом». Тяжущиеся брали в руки раскаленный металл – кто выдерживал это «испытание – божий суд» – тот и считался правым (ст. 22, 85–87). В системе формальных доказательств упоминается «поле». Победивший в поединке («в поле») признавался выигравшим дело. Однако, церковь выступала против такого поединка и грозила тяжущимся в вооруженном поединке анафемой.

Отдельным видом формальных доказательств считается «рота» (присяга). Клянувшийся на Писании (а до этого языческими богами) утверждал или отрицал какое-либо событие, а суд должен был основываться на этом, формальном, по сути, доказательстве.

Исполнителями судебного решения были «вирники». Они должны были взыскать с виновного установленную «виру» (штраф). Однако системы исполнения наказаний по имеющимся в распоряжении источникам эпохи Русской правды не прослеживается.

Тема 4

История правосудия в Золотой Орде, в средневековых государствах и у народов России

Суд у монголов и в Золотой Орде основывался на обычаях и Великой Ясе. С утверждением в XIV столетии ислама, там появляется шариатский суд в Золотой Орде. Суд и процесс в средневековых государствах и в обществах Дона и Северного Кавказа, у алан, казаков, народов Дагестана, у народов центральной части Кавказа основывался на обычаях. При общем сходстве в устройстве суда и в процессуальном праве имелись значительные отличия.

Золотая Орда. Процессуальное право монголо-татар до принятия ислама весьма туманно и запутано. Можно выделить лишь несколько положений закона, как-либо характеризующих судебно-следственный процесс. Так по ст. 23 Билика можно говорить о родовом суде для гражданских и семейных правонарушений. Родовой суд при этом имел право «на увещевание, ссылку и тюрьму». Скорее всего, судебными полномочиями обладали представители правящей династии или назначенные ими судьи. По крайней мере, текст источника содержит такое изречение: «Если начальник тьмы совершит промах, хан шлет конного, чтобы наказать его (виновного), как будет приказано» (Яса. V). Судебной властью в покоренных странах обладали тарханы, при администрации которых заседал суд. Тарханам не было предоставлено право вынесения смертного приговора без предварительного суда. По отношению к правителям покоренных народов мог действовать третейский суд великого хана (по крайней мере, русские князья неоднократно обращались к такому суду во время усобиц).

При расследовании преступлений монголы полагались на свидетельские показания, которым уделяли большое значение. Другое дело, что такие свидетельства были субъективны, поскольку закон рекомендовал: «Всякое слово, с которым согласились трое сведущих (мудрых) можно сказать всюду, в противном же случае нельзя полагаться на него. Сравнивай свое слово и слово других со словами сведущих: если оно будет в согласии, то можно сказать, в противном случае никак не должно говорить» (Билик, ст. 7).

По различным нарративным источникам известно, что монгольские судьи (тарханы, яргучины) обладали иммунитетом и назначались ханской администрацией. Когда сформировался государственный строй Золотой Орды, появился и специальный судебный орган – Яргу.

В общем монгольское законодательство говорит о раннефеодальном периоде этого кочевого государства.

Великая Яса не являлась единственным источником права монгольского общества. В обществе действовали юридические сборники, например, в книге «Сокровенное сказание» – летопись монгольского народа. Приказы, распоряжения и административные решения сохранились в ярлыках ханов. Другое название ярлыка – «пайзца» (табличка). Родовые и племенные правонарушения рассматривались в обычном праве. В XIV в. в монгольском обществе стал распространяться ислам и мусульманское право (шариат).

Исламский суд в Золотой Орде. На территории Золотой Орды ислам распространился в XIV в. Первоначально исламский суд ограничивался семейными и религиозными делами мусульман. Позднее была сформирована судебная система во главе с верховным судьей – кади, которому подчинялись судьи – кадии. Мусульманские судебные органы сосуществовали с монгольским судебным диваном – яргу и судьями – яргучинами, основывавшимися на обычном праве и Великой Ясе. Со временем мусульманское право вытеснило монгольское, и основным источником права стал Коран.

В главах (сурах) Корана и в сборниках (Хадисах-Суннах) раннесредневековых теологов сформулировано мусульманское право – Шариат. Эти нормы, не изменявшиеся в течение времени, кодифицированы в особом порядке – не по отраслям права, а в построении жизненного пути мусульманина – от рождения до смерти. Поэтому Шариат означает «надлежащий путь жизни», включающий в себя нормы права, морали, религии и т. д. В общем, шариатский суд строится на частном праве. Шариат основывается на тщательно разработанных в IX–XII вв. своде правил – «фитх» и характерных суждениях по аналогии с Кораном и прецедентами – «кийас». Фитх и кийас мусульманские судьи называют принципами шариата. Лейтмотив исламского правосудия здесь сформулирован в словах: «Оплатой за зло пусть будет соразмерное ему зло. Но кто простит и примирится, тому награда от Бога» (Коран, сура 42:38).

Суд по нормам шариата должен быть объективным, взвешенным и различать все стороны преступления, в том числе субъективные. Особое значение придается судьям, их квалификации, беспристрастию и личным качествам. В рассмотрении конкретных дел и принятии решений суд основывается на сформулированных в шариате правах и обязанностях правоверного (т. е. исповедывающего ислам). В соответствии с изречениями в сурах Корана деяния подразделяются на разрешенные («халал») и запрещенные («харам»).

В соответствии с тяжестью преступления или проступка законодательство определяет наказание: смертную казнь, отсечение руки, тюрьму, порицание. Вместе с определением наказания шариат полагает, что общество также несет моральную ответственность за то, что не смогло предотвратить или предупредить преступление. Исходя из этого, в исламе используется социальная профилактика правонарушений (жертвы в пользу малоимущих, взаимопомощь, общинность). Вместе с тем, в уголовном праве шариат отличается строгостью мер наказания, особенно идущих в противоречие с устоями общества.

В гражданском праве шариат исходит из неприкосновенности частной собственности. Обязательственные отношения строятся на взаимном согласии сторон, запрещают закабаление и ростовщичество (Коран, сура 2:276). Шариат обязывает мусульманина исходить из милосердия и поощряет помощь нуждающимся (Коран, сура 33:32, 33).

В семейном праве шариат исходит из мужского превосходства (Коран, сура 2: 228), полигамии (многоженства) (Коран, сура 4:3), ограничении прав на развод (Коран, сура 2:231). В нормах семейного права мусульманские правоведы рассматривают опеку (Коран, сура 2:233) и наследственные, в том числе обязательственные отношения, рассматриваемые в других системах среди гражданского права.

Кроме того, в шариате рассматривается исламская этика и мораль в единстве с исламской верой. Поэтому преступления против религии считаются в мусульманстве наиболее опасными преступлениями. Несоблюдение обрядов жизненного цикла, ритуалов, правил поведения в обществе влечет за собой тяжкое наказание, в том числе смертную казнь.

Нормы шариата, рассмотренные здесь абстрактно, необходимо привязывать к условиям конкретного исторического периода и общества. А в своей исторической конкретике монгольское общество знало, глубокое социальное расслоение и эксплуатацию, произвол властей. Кроме того, многие положения шариата и Великой Ясы прямо противоречили друг другу.

Способы решения таких противоречий были следующие:

- редактирование Великой Ясы сообразно шариата;
- разграничение компетенции шариата и обычного права.

Действительно, в исламских странах стали изучать Ясу, имелась практика приспособления монгольского закона к шариату. Но на Северном Кавказе получила распространение практика разделения компетенции шариата и правовых обычаев (к которым при некоторых условиях можно отнести и Великую Ясу). Общественную жизнь мусульман наряду с шариатом регулировали нормы обычного права – адата. Поэтому в монгольское время получил развитие правовой плюрализм, то есть одновременное действие в едином правовом пространстве

шариата и обычного права. На практике, шариатский суд старался не вмешиваться в решения, принятые по обычному праву.

Обзор монгольского права по Великой Ясе и шариату имеет значение для выявления общественных отношений и политического устройства народов, заселявших Дон и Северный Кавказ в ордынское время.

Суд и процесс средневекового Дагестана. Основным источником права здесь были Постановления Кайтагского уцмий Рустемхана, сохранившиеся в манускрипте XVII столетия, но уходящие корнями в XV в. и даже в более ранний период. Можно сказать, что он относится не только к новому времени, но к средневековью.

В кайтагском обществе Дагестана доминировал состязательный процесс (ст. 99 Постановлений). Различия гражданских и уголовных дел не прослеживается. Процесс мог начаться только при наличии жалобы потерпевшего или истца (ст. 73). В досудебном порядке сторонам предоставлялась возможность примирения, что специально оговаривалось в ст. 37, 76. Порядок мирового соглашения сторон назывался масагат и заключался в следующем. Родовые старейшины (карты) тяжущихся или конфликтующих сторон сначала пытались как то договориться между собой. Если усилия авторитетов не приводили к мировому соглашению, стороны обращались к беку с просьбой созвать суд. Суд бека был основной судебной властью и обладал большими полномочиями, чем традиционный суд старейшин (картов) родовых общин (тохумов). Четкого разграничения компетенции суда еще не было, но с XVI–XVII вв. без санкции бека суд не созывался. Более того, при рассмотрении дел, важных для всего общества, присутствие бека было обязательным. Если бек не считал необходимым присутствовать на суде, он должен был дать санкцию кадию обратиться к тексту «Постановлений».

Итак, состав суда был традиционным для раннегосударственного общества (феодал, судья, старейшины). По древним традициям суд проходил под открытым небом, а не в помещении (чтобы видел Бог). Во время судебного разбирательства сторонам предоставлялась очередная возможность масагата, после чего заслушивались поочередно истец (или сторона потерпевшего), затем ответчик (ст. 21, 37, 76). В случае необходимости приглашались свидетели (тусевы). В «Постановлениях» говорится о 7 тусевах, но на практике свидетелей могло быть больше (ст. 30). Тусевы определялись судом, поскольку свидетельские показания принимались только от полноправных членов общества, известных своей честностью. Тяжущиеся стороны и свидетели должны были дать очистительную присягу. При этом «Постановления» предписывали иммунитет присягнувшим на суде, о чем говорит целый ряд статей (73–75, 84), а содержание института присяги иногда несло языческий оттенок «символики права». Последний факт говорит о том, что суд старейшин с присягающими сторонами имел место еще до установленного Рустемханом порядка.

Исследовав обстоятельства дела, суд принимал решение, обязательное для сторон. Если одна из сторон отказывалась выполнять решения суда, виновный мог быть изгнан из общины. Исполнение судебных решений возлагалось на бека (ст. 98). Следовательно, бек наделялся административной властью, а при отсутствии аппарата исполнения судебных решений должен был обладать авторитетом. Кроме того, на уцмий была возложена обязанность сбора судебных пошлин и штрафов. Часть собранных денег Рустемхан оставлял себе, другие части полагались картам и кадию. Бек осуществлял еще и функции надзора. По крайней мере, этого требовали заключительные положения закона.

В качестве самостоятельной процессуальной меры можно рассматривать обычай барамты. По сути, барамта являлась своего рода ордалией, восходящей к первобытному строю. Если суд не мог прийти к однозначному решению или бек не мог исполнить решения суда, истец или пострадавшая сторона считала себя в праве добиваться справедливости самостоятельно. Самосуд тохумов, как было рассмотрено выше, перекликался с гражданским и уголов-

ным правом. Барамта, без сомнения очень древний и устоявшийся обычай, поскольку политическая власть могла только ограничить барамту, но не отменить ее.

Относительно обвинительного процесса в джамаате можно сказать, что он только зарождался и был возможен лишь при очевидном преступлении против всего общества (поджоги, измена и т. д.). Но и в таком случае требовалось наличие жалобы кого-либо из общинников.

Процесс в кайтагском обществе времени Рустемхана несколько отличался от имевшего места по данным этнографов права XIX в. Более того, в источнике можно выявить архаичные нормы, восходящие к домонгольскому времени, множество аналогий с золотоордынским правом, а также нововведения шариата.

При этом демократические традиции общинного суда со свидетелями восходят к первобытному строю и имеют много аналогий с судом алан и автохтонных народов. Суд бека (как и сам тюркский титул) имеет много общего с положениями Великой Ясы и процессуальным правом кочевников Северного Прикаспия. В степных улусах, оставшихся после распада Золотой Орды доминировал суд беков (беев, мурз и других владетелей). Суд Кадия, присяга на Коране, клятва Богом, наличие на суде текста «Постановлений» и др. соотносится с шариатским судом. Другое дело, что наличие в процессуальном праве трех составляющих должно было исходить из законотворческого процесса, наличия квалифицированных исламских юристов, отражать достижения культуры и социально-экономического развития Дагестана.

В силу названных факторов, нормы и институты кайтагского процессуального права можно датировать XII–XVI вв., а кодификационные изменения устных адатов XVI–XVII вв.

Суд у казаков в Войске Донском в период его становления (в основном, это относится к новому времени) находилась в руках выборного общественного органа – казачьего круга. Исходили на суде из обычаев, применялись самые разнообразные досудебные примирительные процедуры. Судебной властью наделялись старейшины (по незначительным преступлениям или проступкам), правом суда обладали атаманы. Иногда атаманы призывали стариков для помощи при рассмотрении дела. Опять же применялись досудебные примирительные процедуры, как до суда, так и его процессе. Если атаман и старики не могли решить дело, необходимо было ездить на суд в казачью столицу – в Черкасск (Старочеркасск), где у казаков был главный суд, своего рода, высшая инстанция. При этом тяжущиеся должны были добраться до главной казачьей станицы одном каюке (лодке).

Был у казаков и первобытный обычай самосуда, но он применялся по отношению к конокрадам и устраивались они либо самими потерпевшими, либо членами их общины, то есть имелись, своего рода, ограничения в самосуде, но зато такие внесудебные расправы отличались суровостью, бывало, что виновных убивали или калечили.

Итак, на протяжении XVIII–XIX вв. В Области Войска Донского (а также у кубанских, терских казаков и в других казачьих краях) появилась судебная структура.

В качестве первой инстанции выступал Суд станичного круга. Станичный суд рассматривал относящиеся к его компетенции гражданские и уголовные дела. Суд Войскового круга являлся высшей судебной инстанцией, он рассматривал дела, выходявшие за компетенцию станичных кругов.

Закон «О станичном суде» 1891 г. (и дополнившие его акты 1891–1892 гг.) Говорят об «учреждении станичного суда, который образует: 1) суд станичных судей, и 2) суд почетных судей. Суд станичных судей учреждался в каждой станице. Суд почетных судей – на две станицы, по особому расписанию, утверждаемому войсковыми наказными и наказными атаманами. Судьям присваивался особый знак, с обозначением на нем слов: для станичных судей – «судья такой-то станицы», а для почетных судей – «почетный судья». Знак этот надевается во время заседания суда, а также и в других официальных и торжественных случаях.

Станичный суд собирался как по воскресным и другим праздничным дням, так, в случае надобности, и в другие дни, и при этом: суд станичных судей – не менее двух, а суд почетных

судей – не менее одного раза в месяц. Суд почетных судей созывался атаманом той станицы, где назначено его заседание (ст. 46).

Во втором отделении Закона определены предметы ведомства и пределы власти станичного суда. Станичному суду были подведомственны не пользующиеся особыми правами состояния лица как войскового, так и вневойскового сословия, временно или постоянно проживающая на землях станичного юрта, а также на землях, причисленных к станичному юрту. Также Станичный суд ведал спорами и тяжбами по имуществу и маловажным проступкам. Станичный суд мог принимать к своему разбирательству все споры и тяжбы между подведомственными ему лицами, ценою до ста рублей включительно, как о недвижимом и движимом имуществе в пределах общего станичного юрта, так и по займам, покупкам, продажам, сделкам и обязательствам, по возмещению убытков и ущерба имущества, но не свыше ста рублей. Рассматривал Суд также дела о хулиганстве и незначительных уголовных преступлениях.

В третьем отделении исчерпывающе изложен порядок производства и решения дел не иначе, как по исковому заявлению:

- 1) по жалобам потерпевшего или его родственников (опекунов);
- 2) по требованию станичного или хуторского атамана, и
- 3) по извещению того, кто был свидетелем проступка, если потерпевший не мог сам принести жалобу.

Четвертое отделение Закона определяло порядок обжалования решений и приговоров суда станичных судей. Так споры и тяжбы на сумму до тридцати рублей решались окончательно судом станичных судей. По делам о проступках приговоры суда станичных судей окончательное решение было прописано в ст. 66, 85, 86–87, 99. В них речь идет о проступках. В пятом отделении рассмотрено исполнение решений и приговоров станичного суда. Окончательные решения и приговоры суда станичных судей, решения и приговоры того же суда, вошедшие в законную силу, а равно решения и приговоры суда почетных судей приводились в исполнение станичным, хуторским атаманом или их помощниками. Достаточно интересно шестое отделение, которое определяет Третейский суд, который рассматривал те же вопросы, что и станичный суд, но исходя из примирения в досудебном порядке дел «спорных и тяжбных на всякую сумму, если с оными не соединено преступления или проступка и не сопряжены пользы лиц, состоящих в опеке, обыватели как одной, так и разных станиц и поселений могут, вместо разбирательства в станичном суде, обращаться к третейскому по совести суду одного или нескольких посредников, выбираемых обеими сторонами по взаимному их согласию». Решения третейского суда объявлялись тяжущимся сторонам и вносились в имеющуюся при станичном правлении книгу решений. Такое решение считалось вошедшим в законную силу со времени внесения в книгу и приводится в исполнение тем же порядком, как и решения станичного суда. Жалобы на решение третейского суда не принимались.

Седьмое отделение определяло порядок отмены решений и приговоров станичного суда. Окончательные решения и приговоры суда станичных судей (ст. 85 и 86) и решения и приговоры суда почетных судей, могли быть отменены областным, войсковым, или войсковым хозяйственным правлением, вследствие просьб, поданных лицами в тех случаях, когда станичный суд: 1) постановит решение или приговор по делу, которое ему не подведомственно (ст. 59–65), или 2) постановит по подведомственному ему делу решение или приговор без вызова к разбирательству участвующих в деле лиц (ст. 70) или же приговорит виновного к взысканию вне пределов компетенции суда. Инициативу об отмене решения суда мог проявить как атаман, так и вышестоящее начальство. В таких случаях дела передавались в суды соответствующей инстанции^[25].

Судебная реформа, которая была проведена на Дону, равно как и другие буржуазные реформы оказали позитивное влияние на социально-экономическое развитие региона.

В Войске Донском были и специальные суды, такие как суд походного атамана (своеобразный полковой военный суд) и суд ватажного атамана (на промыслах). Был у казаков и специфический «суд дружка». Дружок обладал правом суда и расправы за проступки, совершенные на свадьбах.

В результате длительного развития у казаков сложился определенный порядок судопроизводства.

Рассмотрение споров и тяжб станичный суд осуществлял в следующих случаях:

- 1) по жалобе потерпевшего;
- 2) по требованию станичного или хуторского атаманов;
- 3) по заявлению свидетеля проступка, если потерпевший не мог сам принести жалобу.

Просьбы и жалобы могли подаваться самому суду или станичному атаману и по ст. 70 вносились в книгу жалоб и просьб, за исключением экстренных дел, которые рассматривались вне очереди. При отказе рассмотреть дело заинтересованные лица могли подать жалобу станичному атаману.

В назначенный для разбирательства день, стороны, обязаны были явиться в суд лично, а при наличии уважительной причины заменить себя представителем из числа станичников. Свидетели из числа лиц, подведомственных станичному суду, обязаны были являться в суд лично. В случае неявки одной из сторон соблюдались нормы:

- 1) при неявке ответчика или обвиняемого, суд, по рассмотрению дела, постановлял заочное решение или приговор;
- 2) в случае неявки истца или неявки обвинителя по делу, которое может быть окончено примирением (ст. 82), суд постановлял о прекращении производства, и
- 3) при неявке обвинителя по делу, которое не может быть прекращено примирением, дело рассматривалось в отсутствие обвинителя.

Решение суда сообщалось не явившейся стороне. По ст. 75 не явившийся по вызову суда, мог в двухнедельный срок со дня сообщения ему заочного решения или приговора суда представить суду удостоверение о причине неявки. Если неявка судом признавалась судом уважительной, дело, по просьбе ответчика или обвиняемого, разбиралось вновь. В случае неявки обвиняемого к вторичному разбирательству суд налагал на него штраф. По ст. 76–77 штраф налагался также на не явившихся в суд свидетелей и доверенных лиц. Стороны, до рассмотрения дела, могли предъявить отвод кому-либо из судей, а вместо отведенного в состав суда вводился запасной судья.

Дела в станичном суде производились словесно, судебные заседания объявлялись открытыми (причем только для станичников), но при совещании суда посторонние лица из присутствия суда удалялись. Специально оговаривалось, что если суд найдет недостаточными показания лиц, причастных к делу, то может сам производить дознания. В уголовных делах допускался осмотр местности при свидетелях и поверку доказательств по просьбе тяжущихся. При рассмотрении спорных дел суд старался склонить истца и ответчика к примирению. Если стороны примирились, то должны были объявить об этом в суде. В противном случае суд решал дело либо на основании заявленных ему сделок и обязательств, либо на основании местных обычаев. Дела в станичном суде решались большинством голосов, а при разделении голосов поровну – голос председателя давал перевес.

Условия мировых сделок, решения Станичного суда записывались в книгу решений и приговоров, объявлялись сторонам и подписывались как ими, так и судьями.

В законе также оговаривался порядок обжалования решений и приговоров суда станичных судей. Так в ст. 61, 85 определялось, что споры и тяжбы на сумму до тридцати рублей решались окончательно судом станичных судей; на решения же суда по делам от тридцати до ста рублей недовольная сторона может принести жалобу в суд почетных судей, которым дело решается окончательно. По делам о проступках приговоры суда станичных судей суд почет-

ных судей мог усилить или уменьшить наказание, назначенное низшей инстанцией. С жалобой к суду почетных судей можно было обратиться как устно, так и письменно в двухнедельный срок, а по искам лиц, состоящих в опеке требовалось также утверждение искового заявления атаманом.

Специально оговаривался порядок исполнения решений и приговоров станичного суда. Ст. 89 определяла, что окончательные решения и приговоры суда станичных судей, решения и приговоры того же суда, вошедшие в законную силу, а равно решения и приговоры суда почетных судей приводятся в исполнение станичным атаманом или его помощником, а когда дело касается хуторянина – хуторским атаманом, под наблюдением станичного атамана, за общую их ответственность и без особого за то вознаграждения. Возможна была отсрочка исполнения приговора на время не свыше шести месяцев. Частично взыскивалось как движимое, так и недвижимое имущество, приносящее доход. Собственность, не приносящая доход, не взыскивалась. При этом имущество подлежало оценке и продаже, либо передаче истцу при свидетелях и при согласии станичного (или хуторского) схода и на основании Устава гражданского судопроизводства. При обращении взыскания взыскатель должен обратиться в судебное установление, представив копию с решения станичного суда.

Решения станичного могли быть отменены областным, войсковым или войсковым хозяйственным правлением, вследствие просьб, поданных лицами в тех случаях, когда станичный суд:

- 1) постановит решение или приговор по делу, которое ему не подведомственно;
- 2) постановит решение или приговор без вызова к разбирательству участвующих в деле лиц;
- 3) приговорит виновного к взысканию сверх суммы, указанной в иске.

Просьбы об отмене решений и приговоров станичного суда подавались не позднее месячного со дня объявления решения или приговора чрез станичного атамана и удовлетворялось войсковым правлением при наличии нарушений и злоупотреблений суда. При удовлетворении просьбы дело вновь передавалось в суд для повторного рассмотрения.

Отделение шестое закона определяло компетенцию третейского суда по искам на любую сумму, не затрагивающим интересы состоящих в опеке и попечительстве и иных лиц, имеющих право оспорить решение третейского суда. Решения на третейском суде принимались только на основе взаимного согласия.

Решение третейского суда объявлялись тяжущимся сторонам и вносились в специальную книгу решений. Такое решение считалось вошедшим в законную силу со времени внесения в книгу и приводилось в исполнение тем же порядком, как и решения станичного суда. Жалобы на решение третейского суда не принимались.

В общем, казачий Станичный суд был шагом вперед, по сравнению с архаичными судами атамана и третейского суда стариков, которые судили по обычаям, уводящим корнями в Средневековье.

Тема 5

Правосудие в Новгороде, Пскове и в удельных русских княжествах

Основными источниками права Господина Великого Новгорода являлись: Русская Правда, Новгородская судная грамота, договоры на княжение с князьями, международные договоры, речения веча, писцовые книги, пошлыны (обычай). Новгородская правовая система подтверждается в берестяных грамотах и других письменных источниках.

Важным источником Новгородского права является Новгородская судная грамота. Этот памятник дошел до нас фрагментарно в рукописи 1471 г. Сохранились только первые 42 статьи документа. Можно полагать, что Новгородская судная грамота была достаточно обширным документом. Этому есть ряд подтверждений. Во-первых, документ составлен в поздний период существования республики – значит существовало раннее законодательство. Во-вторых, грамота являлась результатом кодификации Пространной Правды и других источников, в том числе систематизировала казуальные решения веча. В-третьих, первые 42 статьи источника порождают больше вопросов, чем ответов – эти ответы и должны были содержаться в последующих, несохранившихся статьях документа. Следующим аргументом можно назвать явное противоречие между развитым процессуальным правом Новгорода и определением суда этой республики. По Новгородской грамоте получается, что слово «суд» включало в себя и следственный процесс, и сам суд, и исполнительное судопроизводство. Четкого разделения гражданского и уголовного права в грамоте также не отмечено.

В Новгородской судной грамоте устанавливалась компетенция судов архиепископа, посадника и тысяцкого, князя. Документ регламентирует действующее законодательство, называя при этом Номоканон, старые Новгородские уставы и грамоты. Среди грамот должна быть и Двинская судная грамота 1397 г. Эта грамота юридически закрепляла боевой поединок тяжущихся сторон (поле). Новгород знал эту юридическую практику, но церковный суд ее не признавал. Более того, архиепископ запрещал отпевать в церкви погибших на поединке, а победившую (в том числе с юридической точки зрения) сторону отлучал от церкви на 18 лет (епитимья). (Двинская грамота известна еще тем, что впервые на Руси говорила о смертной казни).

Новгородская судная грамота говорит о судоустройстве государства. Структурно суд делился на управы. Свою управу имел, например, тысяцкий. Суд созывался в Новгороде три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, а также организовывались выездные заседания по Новгородским городам. Дела в суде должны были решаться в определенный срок и регулярно докладываться архиепископу. В противном случае судьи штрафовались.

К суду в Новгороде имели отношение наместник, тысяцкий, судьи, приказчики, присяжные заседатели, рассказчики и стряпчие, дьяки, докладчики и приставы. Если суд был церковный или княжеский, то, соответственно, присутствовали архиепископ и князь.

Суд наместника и тысяцкого был состязательным. Предварительно, тяжущимся сторонам предлагалось нанять рассказчиков, которые пытались помирить истца и ответчика в досудебном порядке. Если примирение было достигнуто, выдавались соответствующие грамоты, которые обжалованию не подлежали, и решение считалось окончательным. Если одна из сторон не соглашалась на досудебное примирение, созывался суд, на котором присутствовали истец, ответчик и нанятые ими рассказчики. Рассказчики вводили членов суда в суть дела, затем истец и ответчик приводились к присяге, где оговаривалось, что ложные показания и неуважение к суду уголовно наказуемо. На суд вызывались только мужчины. За жен отвечали в суде мужья, за вдов – сыновья (с какого возраста наступала юридическая ответственность, гра-

мота не говорит). Суд знал сословные привилегии, например, жены бояр и житных людей хотя и не присутствовали на суде, могли присягнуть дома. Холоп мог присягать только на холопа. Присяги псковитян и других «неграждан» Новгорода не принимались.

После принятия присяги свое особое мнение высказывали докладчики и судьи. При этом докладчики отстаивали государственную точку зрения. В уголовном суде докладчики, видимо, выступали в роли обвинителя. Присяжных заседателей на суде было десять – по одному боярину и одному житному человеку от пяти новгородских концов. Вердикт присяжных регистрировали дьяки (они же выступали в роли секретарей). Стряпчие и дьяки составляли грамоту о решении суда. Грамота скреплялась подписями и печатью суда. Присутствовавший на суде приказчик «целовал крест» точно исполнить решение суда. Судебные издержки и пошлину (штраф в пользу Новгорода и церкви) оплачивала проигравшая сторона, которая могла обжаловать это решение в церковном суде.

Церковный («святительский») суд заседал во «Владычных палатах» под председательством архиепископа. Церковный суд руководствовался номоканоном. Компетенция «святительского» суда ограничивалась преступлениями против церкви и судом над «церковными людьми» (иереями, иноками и монастырскими людьми). Святительский суд являлся высшей инстанцией по отношению к гражданскому.

Псковская судная грамота – основной источник права в этой феодальной республике и один из крупнейших памятников феодального права эпохи феодальной раздробленности. Большинство исследователей документа сходятся на мысли, что грамота явилась систематизацией права Пскова и Новгорода. Грамота, по мнению большинства специалистов, датируется 1467 г.

Судебный процесс. В правосудии широкое участие принимало вече и братчина (суд общины). Князь не имел права судить единолично. В Пскове суд носил состязательный характер. Но в случаях преступлений против государства допускалась и розыскная форма процесса. Существовал и институт досудебной подготовки дела – свод. Свод в Пскове был сопоставим с древнерусским сводом. Как и в Древней Руси суд мог созываться при наличии заклика, который на торгу публично объявлял об иске к ответчику. В процессе суда допускалось представительство сторон, которое осуществлялось через пособников. Например интересы в суде женщин, детей, стариков, различных категорий недееспособных представляли пособники. Однако в качестве пособника не могли выступать должностные или заинтересованные лица. По мнению Н.52Г. Устрялова и Н. И. Костомарова пособники (в Новгороде наймиты) вообще не могли быть христианами, поскольку пособничество было связано и с судебным поединком – поле, а участие в поединке влекло за собой церковную анафему. Вообще приглашение одной из сторон наемного бойца ограничивалось. Так наемник не мог быть приглашен, если и истец и ответчик были женщинами, если одна из сторон была не в состоянии оплатить наймита. Однако, не во всех случаях представитель на суде сопоставим с наймитом для ордалии. По псковскому закону приходской староста являлся представителем интересов церкви в имущественных поземельных спорах церкви с иными землевладельцами.

Решение суда считалось окончательным и обжалованию не подлежало. Неявка в суд означала проигрыш не явившейся стороны, а при наиболее важных делах допускался насильственный привод в суд ответчика, если тот игнорировал судебные заседания в течение пяти дней. Выигравшей стороне выдавалась Правая грамота, на основании которой исполнялось решение суда.

В общем, процесс суда в Пскове сравним с Новгородским. Нужно отметить, что отсутствие в источнике ряда процессуальных норм объяснялось действием в Пскове Русской Правды. Решения суда принимались только в письменной форме. На суде часто фигурировали письменные доказательства, особенно если речь шла о тяжбе господ с их изорниками. Так в источнике упоминаются простые расписки, которые назывались рядницы и записи (более уни-

версальные виды письменных доказательств). По уголовным делам в качестве доказательств могло быть и поличное, изъятое у подозреваемого во время обыска.

Псковский суд применял следующие виды наказаний: смертная казнь и денежный штраф в пользу государства (продажа). Взимались судебные пошлины. В любом случае предусматривалось возмещение ущерба, а при невозможности выплатить ущерб, говорилось об отработке долга. Существовала и система исполнения решений суда.

Развитие суда и процесса прослеживается по актам XIV–XV вв.

Двинская судная грамота 1397 г. была написана жителям Двинской земли, признавшими себя в том же году подданными московского князя. Грамота имеет большое значение. Во-первых, она вводит наказание смертную казнь за квалифицированное, в данном случае троекратное, воровство. Во-вторых, она дополняет процессуальные нормы Русской Правды. В-третьих, вводит новые статьи в уголовное законодательство. В-четвертых, Двинская грамота свидетельствует о различии новгородских и московских законов, т. к. своими положениями отменяет ранее действовавшее законодательство Двинской земли. Кроме того, грамота свидетельствует о вытеснении из оборота старой денежной единицы – белки и упоминает новую единицу – рубль.

Источники XV в. свидетельствуют об ограничении не только прав на вотчинную собственность княжат и бояр, но и в отношении их наместнического правления. Юрисдикция великокняжеской власти определяется теперь в одностороннем порядке посредством уставных грамот.

Белозерская грамота 1488 г. Самой характерной грамотой, важнейшим источником административного права здесь является Белозерская грамота 1488 г. (На Белозерскую грамоту, в частности, ссылается ст. 38 Судебника Ивана III, где говорится, что наместники и волостители должны собирать судебные пошлины согласно грамотам. Многие положения Белозерской грамоты вошли в последующий вскоре Судебник 1497 г.). Грамота устанавливает правила дознания, судопроизводства, размеры судебных пошлин. Важно, что грамота ограничивает размеры корма и период его сбора (дважды в год). В сборе корма участвовали сотники, а не наместники, что ограничивало произвол последних. Положения грамоты конкретизируют судопроизводство. Со стороны общины в суде должны были присутствовать сотники и выборные «добрые люди», а судья был обязан с ними совещаться. В случае злоупотребления судьи, наместника или волостителя местные жители имели право жаловаться на решение суда, а наместник или волоститель не имели права откладывать дело на неопределенное время с целью уклониться от ответственности за свои административные решения. Белозерская грамота утверждает княжеское право суда над местной администрацией в случае нарушения ею положений законодательства.

В XV в. проходило формирование дворянства. В основном, дворяне известны под названием «слуги под дворским» и «дети боярские». Служилые люди осуществляли разнообразные властные функции, в том числе и судебные. Впервые это прослежено XIV–XV вв.

Крупным феодалом в Северо-Восточной Руси являлась церковь. Монастырское землевладение на Северо-Востоке росло, в основном, за счет пожалований в виде завещаний, а экономическое могущество – в связи с церковным иммунитетом, характерным для этого и предыдущих периодов феодализма. Феодальный иммунитет распространялся, в том числе, и на судебную власть. Епархия в целом, и монастыри, в частности, обладали собственными судебными учреждениями. По необходимости созывался «сместный» (совмещенный) суд церковной и светской властей. В своих действиях он опирался на греческие по происхождению законы, Закон Русский, переработанный позже в актовое церковное законодательство. Применялось и имеющееся в наличии действующее государственное законодательство. Акты церковного законодательства из монастырских архивов – весьма ценный пласт источников не только

о землевладении, но и являются важнейшими источниками права, многие положения которых вошли, в последующем в государственное законодательство.

Интересным источником права является Уставная грамота князя Михаила Андреевича (примерно 1450 г.). Михаил Андреевич был последним удельным Белозерским князем. (После смерти князя его владения в 1486 г. перешли к Ивану III, давшему Белозерскую уставную грамоту в 1488 г.). Грамота Белозерского князя говорит о структуре власти княжества (наместник, бояре, дети боярские, околичники, посельские). Важным в источнике является упоминание о «Юрьевских крестьянах» – заключивших с феодалом ряд (договор) о работе в вотчине с Юрьева дня (26 ноября) по Юрьев день, т. е. весь сельскохозяйственный сезон. Князь подтверждает право Кирилова монастыря не отпускать («отказывать») таких крестьян до выплаты ими долга («отказа»). Нарушителям положений грамоты определена мера наказания – казнь (здесь имеется в виду «торговая казнь», то есть телесное наказание).

Жалованная Грамота Александра Ивановича, Нижегородского князя, является завещанием, данным им Благовещенскому монастырю в 1418 г. Вместе с земельным пожалованием грамота передает монастырю ряд административных функций сбора дани (мыт – торговая пошлина, тамга – сбор за продажу скота, побережное – за пользование причалами, костки – проезжая подать, осмничее – торговая пошлина). Грамота косвенно подтверждает, что у монастыря был свой административный аппарат. К монастырю переходило право суда по всем отраслям права, кроме уголовного по наиболее тяжким преступлениям (душегубства и разбой). В случае спорных дел, затрагивающих интересы монастырской и княжеской сторон, в грамоте определялись полномочия Смесного (т. е. совмещенного) суда с участием наместника, игумена или его представителей. Судебная пошлина при этом распределялась пропорционально между сторонами. Вместе с привилегиями князь ограничивал право перехода в монастырские земли жителей его княжества и оставлял за собой право сбора налогов с жителей других княжеств, перешедших на монастырские земли. Аналогично предыдущему документу за нарушение положений грамоты определялась мера наказания [торговая] казнь.

Жалованная Грамота митрополита Геронтия Кузьмину монастырю 1477 г. интересна, в первую очередь, тем, что говорит о размерах и сроке оброка в Дмитриев день (26 октября) и дополняет сведения других грамот о существовании в церкви собственного административного аппарата. В частности, грамота упоминает посельского – приказчика митрополита. Кроме того, грамота говорит об административной власти в Русской православной церкви.

Купчая грамота 1448–1461 гг. является источником, относящимся к гражданскому праву. Акт купли-продажи села Маричинского подтверждается не только свидетелями, но и скреплен печатью и занесен нотариально. Грамота говорит о разветвленном административном аппарате монастырей (старец-келарь, старец-казначей, митрополичий управляющий, купивший село по доверенности). Грамота выразительно говорит о достаточно высоком уровне оформления документов в XV в.

Запись о душегубстве 1456–1462 гг. (Губная московская запись) оформляла господствующее положение Москвы как центра русских земель. Запись характеризует уровень развития уголовного права. Акт был впервые описан М. Ф. Владимирским-Будановым, подробно проанализирован Л. В. Черепниным и во 2 т. Российского законодательства X – XX вв. Источник состоит из 10 статей. Содержание документа следующее. Акт перечисляет территории на которые распространяется судебная власть московского наместника по наиболее важным делам – об убийстве (о душегубстве). Душегубство как преступление четко отграничивается от других преступлений, за которые налагались штрафы (пени). Поэтому преступления градируются на пенные (от слова пеня), и душегубство (убийство, самоубийство). Кроме разграничения судебных полномочий Запись упорядочивает размеры судебных пошлин и впервые вводит понятие посул (взятка). Посул еще не запрещен, но его размеры ограничиваются. Хотя Запись и относится к душегубству, но говорит и о подсудности московскому князю дел о разбое и воровстве

с поличным. Как видно из содержания акта местные феодалы значительно ограничивались в осуществлении судебной власти.

Белозерская таможенная грамота 1497 г. первая из сохранившихся во времени таможенных грамот. Источник впервые был опубликован силами Археографической комиссии 1836 г. и прокомментирован А. А. Зиминим. Грамота состоит из 17 статей и по содержанию могла быть руководством к действию судей. В Русском государстве по грамоте определялись таможенно-финансовые и иные полномочия излюбленных голов и целовальников (таможенников, избираемых из черносозных крестьян) и откупщиков (таможенников, собиравших пошлины за оклад – денежную сумму, установленную правительством). Для откупщиков грамота устанавливает сроки уплаты оклада и определяет его конкретные размеры пошлины (пятно, явка) и штрафов (протаможье) в зависимости от категорий торгового населения (местные или иногородние), значимости и стоимости товара и т. д. Таким образом, размер пошлины, штрафа и оклада зависел не только от объекта, но и от субъекта права. Как видно из содержания грамоты, в Русском централизованном государстве унифицировались таможенно-финансовые полномочия. От них не отделялись судебные полномочия, то есть местные администраторы наделялись и правом решения подобных решений в пределах их таможенной и финансовой компетенции. Первоначально данная унификация затронула наиболее развитый, северный регион Русского государства. Только затем эта тенденция перенеслась на другие регионы страны.

Итак, период раздробленности и начало формирования единого государства отражает сначала региональную специфику в суде и процессе Новгорода, Пскова, Северо-Восточной Руси при наметившейся тенденции унификации, основывавшейся, в том числе, на схожем по духу законодательстве.

Тема 6

Правосудие в Русском государстве по Судебникам 1497 и 1550 гг

Судебник Ивана III был итогом серьезной работы юристов XV в. и составлен как практическое руководство для судей. Среди авторов законодательства фигурируют боярин Иван Патрикеев и дьяк Владимир Гусев. В основном, изменения коснулись процессуального и уголовного права. Многие статьи законодательства говорят о суде и процессуальном праве (см., напр., ст. 1–3, 6–7, 19, 27, 37–38, 48, 67). Если «Суд Ярослава Владимировича. Русский закон» говорит о суде в общем, то Судебник основывается на более совершенном Новгородском законодательстве, которое уже разделяет компетенции судебной власти архиепископа, посадника и князя, знает судебные инстанции и структурируется на управы. Других равнозначных по уровню развития источников, вошедших в Судебник 1497 г., мы не знаем, следовательно, можно полагать, что структура суда при Иване III перешла из Новгородской судной грамоты. В частности, Судебник знает два вида суда: высший и низший.

Высший суд состоял из трех инстанций.

1. Суд высшей инстанции возглавлялся председателем боярской думы в присутствии бояр и высших судей – окольничих и дьяков (ст. 1). Решения этого суда были окончательными и обжалованию не подлежали.

2. Боярский суд, который должен был докладывать дело великому князю. За князем в этом суде было окончательное решение.

3. Суд по особым делам под председательством боярина. Решения этого суда могли обжаловаться в судах высших (здесь – первой и второй) инстанций.

Низший суд в регионах (уездах и волостях), разделенных на губы – судебные округа – проводился под председательством наместников и волостелей судьями (тиунами). Этот суд был состязательным, в нем принимали участие представители местных общин. (В общем, процесс здесь походил на аналогичный в Белозерской грамоте 1488 г. (ст. 37, 38 Судебника)). Решение этого суда было предварительным, – его можно было обжаловать в суде высшей инстанции (см. ст. 43).

Правом суда над крестьянами обладали в своих вотчинах князья и бояре, в монастырских землях продолжал действовать церковный суд, однако преступления против церкви и тяжкие преступления входили теперь в юрисдикцию княжеского суда высшей инстанции (ст. 9, 59). (Как видно из предыдущего раздела – государство пытается ограничить права церкви).

В сравнении с Русской Правдой значительно изменилась и форма судопроизводства. Например, в Русской Правде Пространной редакции (ст. 32, 34–39) говорится только о состязательном суде, причем, по инициативе истца, а свод и розыск законодатель по форме не различает. Псковская судная грамота вводит понятие «преступление против государства, суда и их органов», а Новгородская судная грамота уже считает эти тяжкие преступления компетенцией суда высшей инстанции – «святительского суда». Судебник Ивана III перенимает этот «опыт» в законодательстве, развивает его положения и уже различает две формы суда.

Первая форма – состязательный процесс, так называемый «суд». В отличие от указанной редакции Русской Правды, аналогично с новгородским, псковским законодательством и грамотами московских князей, дело начиналось с устной или письменной жалобы (челобитной) истца в суд. Затем принимались меры по доставлению ответчика в суд, – это возлагалось на поручителей. Неявка в суд ответчика без уважительной причины влекла выдачу истцу «бессудной грамоты» и объявление ответчика виновным. Правило «третьего свода» и другие устаревшие формы здесь отменялись, т. к. законодательство уделяет большее внимание качеству

самого судебного процесса и избежанию в нем возможных ошибок, – это подтверждается практически во всех статьях, где говорится о судопроизводстве.

Вторая форма суда – инквизиционная – розыск. Русская Правда знает здесь только «гонение следа». Судебник 1497 г. понимает под преступлением не «беду», или «обиду» против личности и частной собственности. В законодательстве XIV–XV вв. появляется и закрепляется преступление как «лихое дело» против государства. Следовательно, теперь государство и без воли истца может начать дело – «розыск». При этом государство понесет судебные издержки, которые затем возложит на виновную сторону (ст. 3, 6). Ст. 8 Судебника прямо говорит о преступлениях против церкви, государства, устоев общества.

Текст Судебника говорит, что по сравнению с Русской Правдой изменилась система доказательств. В некоторых случаях особых доказательств и не требовалось. В тех же ст. 8–9 для определения «лихого человека» в инквизиционном суде необходимо было только общее мнение, что данный человек опасен для общества. Ст. 13 конкретизирует как вид доказательства «поличное», при этом достаточно свидетельских показаний под присягой пяти или шести людей. Ст. 48–54 законодательства определяют понятие «послух» (т. е. свидетель). Если прежде свидетелями были «послухи» и «видаки», то в XV в. их объединили в «послухов». При этом послухом теперь мог быть холоп. Ст. 67 считает, что послухом является только видевший и знавший обстоятельства дела. Кроме того, определяется суть лжесвидетельства, оно определяется как преступление с соответствующим наказанием.

Судебник уделяет больше внимания объективности свидетельских показаний, перенимая у Псковского и Новгородского законодательства применение письменных доказательств. Законодательство неоднократно упоминает Правые, отпускные грамоты, докладные списки, договорные обязательства и указы. Ст. 14 ограничивает обвиняемого в свидетельских показаниях, считая их субъективными, исключая т. о. возможность судебной ошибки из права «третьего свода». Но оговоренный вором все же допрашивался и передавался на поруки до окончания расследования. Ст. 47 допускает судебное разбирательство даже при отсутствии свидетелей – здесь объективность решения должна быть достигнута квалификацией суда. В качестве доказательств принимались присяги (клятвы и крестоцелования), а также пережиток обычного права – судебный посадник – «поле» (ст. 4–7, 48–49, 52). Вместе с тем из законодательства видно, что государство пыталось ограничить применение судебного поединка. Во-первых, поединок ограничивался экономическими санкциями и был довольно дорогим удовольствием. Сравним, например, ст. 3–6. Без судебного поединка проигравшему необходимо было оплатить 2 алтына и 8 денег. То же самое, если стороны согласились на поединок, но дело решилось миром до организации поединка. По ст. 3 мир на поле до поединка стоил несколько дороже. А вот проигравшая сторона платила после поединка пошлину в размере суммы иска, ответственность распространялась и на личность проигравшего поединок.

Во-вторых, поединок сужал круг лиц, имевших право участвовать в нем (см. ст. 49). Поединок в то время был уже анахронизмом, почти не применялся, он вскоре прекратил свое существование, и одно из последних упоминаний о нем, уже в ироничной форме, принадлежат С. Гербенштейну, послу Германии при дворе Василия III.

В-третьих, законодательство смягчало наказание для лиц, отказавшихся от поединка, признавших себя виновными (ст. 48). Здесь законодательство солидарно с церковными установками, считавшими поединок грехом. Поэтому уже в XVI в. «поле» и как доказательство в процессе исчезает.

Судебник 1497 г. вводит обязательную письменную регистрацию судебных решений, перенимая опыт новгородского и псковского законодательства. Статьи Судебника неоднократно говорят о выдаче письменного вердикта суда – бессудной грамоты, которая выдавалась на 8-й день после вынесения решения суда.

В общем, судебный процесс XV в. в сравнении с Русской Правдой претерпел значительные изменения, но относительно прогрессивного законодательства республик и княжеских грамот XIV–XV вв. можно говорить об эволюционном развитии отечественного права.

Итак, Судебник 1497 г. являлся значительным достижением в законодательстве. Он унифицировал систему права, закрепил в нем новые общественные порядки, переработав почти все предыдущее законодательство. На основе Судебника Ивана III строилось последующее отечественное законодательство.

Судебник 1550 г. В отличие от предыдущего Судебника, закон 1550 г. отменял суд великого князя. Ст. 1 заменяла его судом бояр и окольничьих. Преамбула Судебника говорит о суде высшей инстанции под председательством боярина в присутствии окольничьих, дворецких, казначеев и приказчиков.

Суды низшей инстанции заседали в уездных городах под председательством наместников, а в волостях – волостелей. В суд нижней инстанции входили «тиуны» и судьи.

В Судебнике 1550 г. сохранялись две формы суда (состязательный и инквизиционный). Ст. 2 Судебника усложняет состязательный процесс, так как для его возбуждения необходима письменная жалоба – «жалобщица». С этой «жалобщицы» истец оплачивал пошлину в размере 11 денег с рубля (ст. 8). Кроме жалобы известны также «челобитные» и «приставные» грамоты. В состязательном суде присутствовали две тяжущиеся стороны, а также свидетели и поручители. Ст. 17 говорит, что наймит в суде XVI в. – поручитель или нанятый представитель истца или ответчика. Требования к наймиту были высокими. В частности, наймит при отказе осуществлять свои функции лишался права службы (ст. 85). Наймит больше не был связан с судебным поединком, и термин «поле» в Судебнике 1550 г. отсутствует.

Решения суда фиксировались письменно, победившей в тяжбе стороне выдавалась бессудная грамота.

Инквизиционный суд предусматривался по уголовным делам. Судебное разбирательство могло начинаться по инициативе государства (ст. 61). Расследование начиналось не только в случае «лихого дела», но и при обвинении в тяжких имущественных преступлениях, например, воровстве (ст. 58). В таких случаях обвиняемый получал «погонную грамоту». Если следствие не обладало достаточной доказательной базой, приглашались от 10 до 20 свидетелей из числа «добрых людей», т. е. лично свободных и не привлеченных прежде к какой-либо ответственности перед судом (что-то вроде присяжных заседателей). Свидетели (или присяжные) присутствовали при «облиховании» (обличении) подсудимого, который доказывал суду свою невиновность (ст. 52). (При этом подсудимый был лишен возможности видеть своих обвинителей и вступать с ними в полемику). Розыск («довод») по этому процессу проводился в соответствии со ст. 59 в делах, относящихся к разбою, «государственных убийствах», клевете, подделке, т. е. в «лихих делах». В «лихих делах» порука не допускалась и обвиняемый содержался в тюрьме. Тюремное заключение как мера пресечения введена этим законодательством и подразделялась на бессрочное и на определенный срок до получения поручительства (ст. 55).

В общем, система наказаний строилась исходя из устрашения в «назидание» остальным преступникам. Процессуально допускались не только заключение под стражу, но и торговая казнь (телесные наказания) и ограничение в передвижении (на период расследования).

Изменения претерпела и свидетельская доказательная база. При этом доказательства делились на формальные (например, признание вины подсудимым) и фактические. Формальные доказательства часто добывались вследствие оговора или «выбивались» под пыткой (см. подробнее ст. 17, 18, 34, 57, 58). Нередко в качестве доказательства требовались свидетельские показания 10–15 бояр из числа «добрых людей».

В качестве фактических доказательств при расследовании могли присутствовать не только устные, но и письменные. Из письменных доказательств известны «жалобницы», «докладные», «полетные грамоты», «бессудные грамоты», «духовные грамоты» и иные пись-

менно зафиксированные свидетельства. Фигурировали также иные факты, добытые в результате «повального обыска».

Большое значение законодательство придавало объективности судебных решений. Поэтому в Судебнике вводятся жестокие наказания за взяточничество и злоупотребление суда (ст. 1–3).

В 1556 г. Боярская дума внесла дополнения в процессуальные статьи Судебника – был принят «Приговор о губных людях». Приговор определял перечень лиц, подлежащих опросу. При этом опрашиваемыми на суде могли быть только «добрые люди», т. е. относящиеся к феодальному сословию, посадскому и чернотягловому населению, не привлекавшиеся прежде к уголовной ответственности. Число опрошенных, в отличие от ст. 58 Судебника, увеличивалось до 100 человек. «Приговор» регламентировал новое процессуальное действие – «пытку». Пытку могли применить не только по уголовным, но и по гражданским делам, относящимся к земельным спорам. В «лихом деле» пытка применялась без правопривилегий. Важным дополнением к ст. 57 Судебника было процессуальное действие по отношению к обвиняемому. Обвиняемый не мог присутствовать при опросе добрых людей.

В общем, процессуальное право развивалось не в защиту обвиняемого, а против него. Оговоры, повальные обыски, опросы, пытки, запутанность формулировок обвинения при следствии, предвзятость суда, над которым довели субъективные факторы, способствовали не только судебным ошибкам, но и беззаконию.

Итогом развития права по великокняжескому и царскому судебникам было учреждение единообразной для всей страны судебной системы, не отделенной от государственной администрации.

Тема 7

История правосудия в России XVII в. по Соборному Уложению 1649 г. Церковный суд

Суд и Процесс. Судебная система по Соборному Уложению 1649 г. продолжала тенденции формирования сословного суда централизованной России как крупного государства с единой системой власти и управления, неотделимости суда от администрации. сложились и судебные инстанции. Судебная система России того времени характеризуется наличием трех инстанций.

Суд Боярской Думы имел значение высшей инстанции. Такой суд рассматривал лишь самые важные из тех дел, что прежде решались в суде нижестоящей инстанции. Второй инстанцией были суды в приказах. Многие приказы рассматривали судебные дела согласно своей территориальной или ведомственной, профессиональной компетенции. Но среди них выделились и приказы, ведавшие, собственно судебными делами. К таким приказам относились Судный Московский, Судный Владимирский, Челобитный, Сыскной, Разбойный. Приказ, что на «сильных» бьют челом, и др. В качестве первой инстанции были местные суды в различных русских землях, то есть на низовом уровне судебную власть осуществляли выборные губные органы. Органы местного самоуправления в XVI–XVII вв. составляли земства. Посадские, слободские жители и черные крестьяне выбирали из своей общины земских старост и земских судей, которые имели право исполнительной и судебной власти в земствах. Содержание земских органов власти было возложено на местное население, объединенное в общины.

Соборное Уложение показывает две тенденции суда XVII в. – состязательный и розыскной суд. Суд по объему подсудности в источнике доминирует, однако увеличивается пропорция сферы розыска. В конце XVII в. розыск (инквизиционный суд) окончательно признан единственной формой. Указ 1697 г. «Об отмене в судных делах очной ставки, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» внес существенные коррективы в конкретику Уложения. Состязательный суд отменялся в гражданских и уголовных делах «о бесчестии, обидах и разорении». Лжесвидетельство в этих делах по Указу 1697 г. наказывалось уже смертной казнью. Наиболее характерен инквизиционный суд в так называемом «слове и деле государевом», вводившем настоящий произвол при подозрении в преступлениях против царя и государства.

Вопросам судопроизводства в законодательстве посвящена X глава Соборного Уложения. Различия между уголовным и гражданским процессом незначительны, но отменяются вотчинные и церковные суды – их место занимает единая система государственного суда. (Гл. X, ст. 2, 20–22). В частности, Гл. I «О богохульниках и церковных мятежниках» вводит в сферу юрисдикции государственного суда преступления против церкви. Кроме того, глава стоит первой в числе последующих двадцати пяти – это означает, что преступления против церкви считались тягчайшими, следовательно, здесь не был предусмотрен состязательный суд, а только розыскной. (Светский суд в отношении духовенства в 1667 г. был вновь заменен на церковный).

Розыскной суд был предусмотрен по большинству преступлений против личности и имущества. Расследование здесь начиналось по доносам или по жалобам потерпевших, составленным письменно (ст. 91, 92, 280). Процессуальные нормы подробно излагает Гл. X, ст. 100–104, 108–123. В Уложении получили дальнейшее развитие повальный обыск, очная ставка, допрос, язычная молка (обвинение другой стороны под пыткой), ограничение в правах во время расследования дела, присяга.

В гражданских делах продолжала использоваться челобитная (подавал в суд истец), при ее наличии выдавались зазывные (в суд) грамоты. Однако применялся и принудительный при-

вод (даже по некоторым гражданским делам). В любом случае, неявка в суд означала проигрыш дела.

При розыскной форме наиболее характерны такие черты как признание обвиняемого (даже под пыткой) и социальная направленность розыска.

Названные признаки более характерны для инквизиционного суда. Однако окончательно система формальных доказательств с розыскной формой суда сформировались в России в эпоху абсолютизма.

Церковный суд появился еще в Киевской Руси. Развитие церковно-гражданского права и, соответственно, церковного суда прослеживается до 1917 г. однако, своего кульминационного развития институт судебной власти церкви в России достигает в XVII в. После церковного раскола, а затем после петровских преобразований и церковной секуляризации при Екатерине II власть церкви была значительно ограничена и в компетенции ее суда остались, в основном, сугубо церковные вопросы, брачно-семейные дела и, отчасти, решение вопросов, связанных с социальной защитой (например, опека и попечительство), образование, иногда, цензура.

Но самым крупным, после царя, феодалом в XVI–XVII столетиях являлась церковь, и данный факт не мог не отразиться на ее своеобразной судебной власти. До 1589 г. она возглавлялась митрополитами, затем патриархами (до 1700 г.), а после 1721 г. и до 1917 г. Синодом. Структурно духовенство делилось на черное и белое, территориально-административно – на епархии во главе с митрополитами и архиепископами (епископами). Церковь имела собственную властную структуру: Патриарший дворцовый приказ, Патриарший казенный приказ, Патриарший разрядный (судный) приказ, епархиальные (территориальные) органы власти. В церкви, как и в государстве суд и администрация были нераздельны, поэтому органы судебной церковной власти были те же, что и органы церковной власти как над духовенством, так и над светскими людьми, проживавшими на церковных землях.

В общем, сложилась система, состоявшая из трех инстанций и двух судебных палат.

Высшей судебной властью обладал патриарх, опиравшийся на своих служилых людей светского состояния (бояре, дворяне и др. из свободных сословий) и на духовенство. Они составляли штат органов, обладавших судебными полномочиями: Патриарший двор (разряд, приказ), Тиунская изба, Приказ церковных дел. В качестве судов первой инстанции учреждались епархиальные суды (территориальные в монастырях), при епископах. Под руководством архиереев существовали два вида учреждений (своего рода, палат), одно для духовенства, другое для светских лиц. Так что структура суда не только соответствовала государственной иерархии, но сословному состоянию общества. В их компетенции были наиболее важные дела, относившиеся к уголовному и к церковно-гражданскому праву. На местах в качестве местных судов по частям епархии действовали десятинные суды под руководством десятинников и судебных старцев. Десятинники были из мирян, т. е. из светских лиц, а судебные старцы из монахов. Кроме того, по аналогии со светскими судами имелись суды голов казачьих, стрелецких и др. Компетенция местных судов ограничивалась незначительными исками, уголовными делами и проступками, характер которых признавался как незначительный.

Источником права для духовного сословия был номоканон, известный в XVI–XVII вв. под названием «Греческих законов» или «Юстиниановых книг», с 1551 по 1649 гг. – «Стоглав» и дополнения к нему, особенно Собора 1667 г. В 1649 г. церковная юрисдикция перешла к государству. XVI–XVII вв. ознаменовались борьбой церкви и государства. Монархи пытались ограничить церковное землевладение и власть церкви. В 1581 г. Ивану Грозному удалось ограничить церковное землевладение, а Алексей Михайлович в 1667 г. снизил политическую власть церкви, усилившуюся во время патриаршества Никона. То есть в интересующий нас период в реализации судебной власти церкви происходят существенные трансформации.

Главным источником церковного права этого времени являлся Стоглав, принятый на Стоглавом Соборе 1551 г. В общем, развитие права XVI–XVII вв. было закреплено в решениях

Земских Соборов. Собор 1551 г. и Собор 1667 г. имели важное значение в развитии церковного права. Важнейшие 100 решений принял один из таких Соборов, получивший название «Стоглавого Собора» 1551 г.

В настоящее время известно более 100 списков Стоглава. Наличие в тексте именно 100 глав объясняется стремлением законодателя избежать каких-либо сокращений или исправлений в канонический текст. Тем не менее, содержание списков отличается, особенно с учетом старообрядческих и официальных редакций XVII в. Кроме того, в Стоглаве (по текстам XVII в.) выделяются списки Краткой и Пространной редакций.

По содержанию Стоглав является ответом на царские вопросы «о многообразных церковных чинех». Для квалифицированных ответов монахи-составители Стоглава использовали канонический материал. Так среди источников Стоглава называются Номоканон, различные списки Кормчих книг, Библия, Евангелие. Предполагается и наличие каких-то греческих книг. При составлении Стоглава были допущены грубые ошибки и отклонения от канонического текста Святого Писания, что позже обнаружили более грамотные священники и специалисты – историки церкви. Основным же источником стоглава называют церковную практику. Однако и практика менялась от века к веку. Отсюда понятна судьба Стоглава: закон был отменен и осужден Московским Собором 1666–1667 гг., хотя его положения «о святительском суде» применялись до 1700 г. Стоглав полностью потерял значение с введением Духовного регламента 1720 г., став памятником церковного права.

Как видно из судьбы закона, он не был утерян или забыт во времени. Однако, низкий уровень изученности документа, написанного церковнославянским, малодоступным языком, не снижает значимости Стоглава в истории канонического права.

По содержанию Стоглав затрагивает как церковно-гражданское (семейное) право как мирян, так и церковных людей, часть глав относится к процессуальному праву, определяет компетенцию церковного суда, содержатся в законе и нормы, не относящиеся к праву (мораль, этика), а также житейские советы, из юрисдикции царского суда выведено население церковных слободок.

В общих чертах, суд России, как светский по Соборному Уложению 1649 г., так и церковный по Стоглаву 1551 г. и Собору 1667 г. сложился как сословный, вполне соответствующий феодальному обществу и государству.

Тема 8

Правосудие в России при Петре I и в первой половине XVIII в

Укрепление судебных органов было взаимосвязано с социальноэкономическими причинами, внутривластной борьбой и в связи с Северной войной. Эти обстоятельства сказывались на структуре судебных органов. В течение первой четверти XVIII в. формировалась следующая судебная система.

Высшую судебную власть при такой форме правления как абсолютная монархия осуществлял царь, который вовсе не должен был как-либо мотивировать свое решение. Но Петр I рассматривал лишь те дела, в которых ему виделись наиболее опасные преступления против самодержавия и государства. Стрелецкие казни, расправы над участниками антифеодальных восстаний показывают, что многие решения царь принимал единолично. Известно, что по возвращении из Великого посольства Петру показались слишком мягкими наказания за очередной стрелецкий бунт. Царь не только ужесточил наказание, но и приказал приближенным лично участвовать в казни стрельцов.

Всевластие царя формально-юридически могло быть закреплено решением суда, например, Тайной канцелярией розыскных дел в Санкт-Петербурге. Тайная канцелярия розыскных дел и Преображенский приказ в Москве тоже функционировали для следствия, которое вел сам царь по наиболее важным политическим делам.

Формально, следующей после царя судебной инстанцией являлся Сенат. Решения Сената считались окончательными и обжалованию не подлежали. Сенат рассматривал дела, передаваемые по инстанции нижестоящими судебными учреждениями, однако Сенат мог являться и судом первой инстанции по наиболее важным политическим делам и должностным преступлениям. Но царь часто вмешивался в дела сената, частот присутствовал на его заседаниях. Понятно, что верноподданные сенаторы рассматривали все дела в угоду царя. Следствие и суд над царевичем Алексеем Петровичем, приговоренного единогласно Сенатом к смертной казни лучшее тому подтверждение.

В подчинении Сената находились коллегии, которые также обладали судебными функциями. Например, Юстиц-коллегия создавалась и функционировала как специальный высший и апелляционный судебный орган по отношению к судам низшей инстанции. В основном, Юстиц-коллегия рассматривала наиболее значимые уголовные дела, по которым предусматривалась смертная казнь. Кроме того, свои судебные органы имели Камер-, Коммерц- и Мануфактур- коллегии. Как правило, они рассматривали дела по должностным, финансовым, производственным преступлениям подчиненных им структур. Однако, президенты коллегий входили в Сенат. Получается, что коллегии сами себя и контролировали. При сплошной коррупции высших должностных лиц (например, А. Меншикова) вряд ли приходится говорить об объективности и принципиальности решений, выносимых коллегиями на рассмотрение Сената. Только если факты мздоимства Меншикова становились известны царю, следовало наказание (царь мог высечь за злоупотребления). Но санкций по закону по отношению к сенатору не следовало.

В 1713–1719 гг. в губерниях были введены должности ландрихтеров, затем надворные, провинциальные и городские суды. Президентами надворных судов являлись сами губернаторы или вице-губернаторы, всего в суде коллегиально заседали до шести членов. Названные судебные органы являлись первой инстанцией и апелляционной по отношению к нижним судам. В компетенции надворных судов находились гражданские и уголовные дела. В компетенции нижних коллегиальных и единоличных судов были менее значимые уголовные и граж-

данские дела. Однако воеводы или губернаторы при неразделении административной и судебной власти не могли быть объективны. К тому же, губернаторы сами часто нарушали закон.

Кроме этого существовали еще суды для горожан, церковный сословный суд, замыкавшийся на Синоде. Правом суда над своими крестьянами по незначительным преступлениям имели помещики, в других случаях дело передавалось в нижний или надворный суд (в зависимости от состава преступления).

Нововведения в судебной структуре были систематизированы в 1722 г. Судебная реформа вводила высшую судебную инстанцию – надворные суды по отношению к низшей судебной инстанции – провинциальному суду (низший суд по реформе 1722 г. упразднялся). Провинциальный суд состоял из воеводы и двух ассессоров. В компетенции этого суда входили незначительные уголовные и гражданские дела.

По «Краткому изображению процессов или судебных тяжб» (1715 г.) вводился военный суд – кригсрехт, он состоял из высшей и низшей инстанций: генеральный кригсрехт и полковой кригсрехт. Высшая инстанция состояла из семи членов суда под председательством президента суда, которым мог быть только высший офицер (фельдмаршал или генерал). Генеральный кригсрехт рассматривал наиболее опасные преступления и являлся апелляционным судом по отношению к низшему кригсрехту. Полковой кригсрехт также состоял из семи членов суда под председательством полковника или полуполковника.

Надзор за правильной деятельностью суда осуществляли в кригсрехте – аудиторы (с 1715 г.), в надворных судах – прокуроры (с 1720 г.), в Сенате и Синоде, коллегиях – обер-прокуроры. В общем по стране Прокуратура была учреждена в 1711–1722 гг.

Итак, система судов была достаточно сложной, запутанной. Сословность суда, низкий уровень образованности (в том числе юридической) судей и чиновников, коррупция слабо отвечали не только правосудию, но и требованиям времени. Вместе с тем, сравнительно с прежней судебной системой 1649 г. реформы Петра I были шагом вперед.

Процессуальное право. Наиболее важными источниками процессуального права были следующие правовые акты. Указ 1697 г. об отмене очных ставок, Краткое изображение процессов и тяжб 1715 г., Указ о форме суда 1723 г.

Указ 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах». Небольшой по объему источник ограничивает процессуальные правила Соборного Уложения и, как видно из самого названия указа, предписывал, чтобы по «челобитию всяких чинов и людей в обидах и разорениях чинить розыск» вместо состязательного процесса. Таким образом, в процессуальных нормах торжествовали принципы обвинительного суда. Петр не мог положиться на объективность обычного состязательного суда, строившего свои решения на основании свидетельских показаний. За ложные клятвы и лжесвидетельство суд предусматривал смертную казнь (ст. 9). Действия указа распространялись первоначально на крепостные дела по крепостям, а не по розыску (ст. 12). В делах «про мену, про продажу и про заклад по грамотам из поместного приказа» развивались процессуальные нормы Соборного Уложения. Именной указ «О допросе в съезжих избах самих владельцев и свидетелей, бывших при совершении оных» (22 марта 1700 г.) требовал, чтобы воеводы названные сделки регистрировали при свидетелях.

Приговор 22 марта 1707 г. «О допрашивании приводимых в Судный приказ по истцовым делам людей и крестьян перед судьями: о прикладывании к тем допросам рук, не отходя от судейского стола и о креплении тех допросов дьячими руками». Приговор также требовал документально зафиксировать существовавшие к тому времени сделки.

Другим важным источником, развивающим нормы процессуального права, является изданный в 1715 г. устав «Краткое изображение процессов и тяжб». В Новом законе домини-

ровал розыскной следственный процесс, но в гражданских делах допускалось и состязательное производство. В последнем случае разрешалось ведение дела адвокатами.

Независимо от формы, в которой проводился процесс, он разделялся на три части. Первая часть процесса включала в себя действия от оповещения до привлечения ответчика к суду. Вторая часть процесса характеризовала само судебное разбирательство до оглашения приговора суда. Третья часть включала в себя меры процессуального порядка в исполнении приговоров суда или опротестовании судебных решений.

Особое внимание уделялось самому суду, судоустройству. Разграничивалась компетенция гражданских и воинских судов. Поскольку структура и компетенция гражданского суда уже определялись предыдущим законодательством, Краткое изображение 1715 г. (первый отечественный процессуальный кодекс) подробнее характеризует воинский суд (кригсрехт). Гл. II источника в процессуальном плане предусматривает рассмотрение дел при едином порядке по инициативе сторон (челобитчик и ответчик) и по инициативе государства (розыскной процесс). Основное внимание уделяется розыскному суду. Законодатель предусматривал, что суд будет объективным. Поэтому предусматривали целый ряд конкретных предписаний: документальное фиксирование оповещения сторон в суде, меры, повышающие ответственность за неявку в суд. Структуре суда придавалось более конкретное очертание. Вводилась должность аудитора, отвечавшего за объективность самого суда. Определялось, что судьи должны быть объективны и связаны какими-либо отношениями с лицами, проходившими по гражданским или уголовным делам (Гл. I ст. 13). Кроме конкретных мер, влиявших на беспристрастность, члены суда присягали на Евангелии и должны были «более смотреть на само дело, нежели на красноречие и лепоу процессов».

Первая часть судебного процесса определяла субъектов (челобитчика и ответчика), их оповещение о суде. По первой части процесса в гражданских делах разрешалось нанимать адвоката.

Вторая часть источника посвящена собственно судебному процессу, начиная с анализа доказательств. При этом упоминаются четыре вида доказательств. Самым неоспоримым из доказательств было – своевольное признание. При формальном соблюдении объективности других доказательств на суде не требовали (см. Гл. II второй части процесса). Следующим по важности доказательством были показания свидетелей. Гл. III – о свидетелях говорит, что свидетелями могут быть мужчины и женщины, определяет, что свидетелями являются добрые и беспорочные люди. Вместе с тем определялся круг лиц, которые не могли быть свидетелями, несовершеннолетние (до 15 лет), или были презираемыми свидетелями, куда входила целая категория лиц: преступники, подозреваемые в преступлении и так далее.

Письменные доводы признавались третьими по значимости свидетельскими показаниями. Письменные свидетельства законодатель подразделял на неоспоримые (явные), то есть зарегистрированные в государственных органах и другие виды письменных доказательств: грамоты, духовные, мирские письма, рукописания, реверзы, которые необходимо было проверить.

Присяга как вид доказательств ставилась законодательством на последнее место. Рекомендовалось прибегать к присяге в крайнем случае, когда другие доказательства не приводили к должным результатам. Законодательство определяло круг лиц, присяга которых не признавалась ими являлись вышеназванные, презираемые свидетели и аналогичные им лица.

Структурно рядом с присягой в источнике стоит расспрос с пристрастием (то есть с угрозой пытки) и сама пытка (Гл. VI). Пытка, как мы видим, не включалась в виды доказательств. Законодатель понимал, что признание, полученное путем пытки, формально становилось важнейшим доказательством, и видел в этом противоречие. Поэтому применение пытки процессуально ограничивалось. Однако, при соблюдении минимальных формальностей, полученные под пыткой признания, признавались судом, что при несовершенной правовой системе способствовало беззаконию.

Третья часть процесса определяла порядок обжалования решений нижнего суда в высшем суде и исполнение решений суда и вводила обязательное правило рассмотрения в криссехте всех розыскных дел, где применялась пытка.

Указ 5 ноября 1723 г. «О форме суда» – источник, в котором процессуальное право получило дальнейшее развитие. Законодатель ограничивал компетенцию розыскного суда делами о наиболее тяжких государственных преступлениях, таких как измена, злодейство, «слов противных его императорского величества... и бунт» (ст. 5). В остальных случаях вновь вводился более открытый состязательный суд, при этом процессуальные действия совершенствовались. Вопросы рассматривались в четкой последовательности, а стенограмма заседаний суда становилась более емкой и ясной. Суд становился демократичней (ст. 7 указа разрешала истцам и ответчикам посылать в суд своих представителей). В последний год правления Петра I и после его смерти вновь возобладали принципы, изложенные в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» – компетенция состязательного суда вновь сузилась гражданскими делами.

В период правления Петра I в судебном процессе характерно сосуществование состязательного и инквизиционного судов. При этом после окончания Северной войны законодательство стало более либеральным.

В общем, судебный процесс при Петре I развивался в двух направлениях. Ориентируясь на Европу, царь стремился заимствовать более прогрессивные, цивилизованные начала судостроительства. Но на практике получалось как раз развитие розыска, а не состязательного суда. Широкое применение на суде признания, добытого путем пыток обвиняемого, сближало суд эпохи Петра I с мрачной средневековой инквизицией.

В общем, отечественное право, соответственно и суд конца XVII – первой четверти XVIII в. претерпели значительные изменения. Нормы уголовного и процессуального права были кодифицированы, существенное развитие получило административное право. Формирование абсолютной монархии связано с вмешательством государства во все сферы общественных отношений. В европейских странах формирование новых общественных отношений – более эволюционный процесс. В России первой четверти XVIII в. государство вводило эти новые отношения административным порядком.

Отечественный суд, в результате петровских преобразований уже в полной мере отвечал требованиям абсолютной монархии, развитому крепостному праву общества и государственному строю Российской империи.

Тема 9

История отечественного правосудия во второй половине XVIII – первой половине XIX в

Судоустройство. Суд при Екатерине II (1775 г.) продолжал оставаться сословным. Во главе этой системы находилась сама императрица, которая была против разделения властей даже при сохранении неограниченной монархии (как это предлагали европейские просветители и наш соотечественник С. Десницкий).

В качестве высших инстанций в пределах отраслевых, сословных и территориальных полномочий обладали Сенат и Синод.

Сенат под руководством назначенного царицей генерал-прокурора сохранил, во многом, свои судебные функции, которыми его наделил еще Петр I. Он состоял из общего собрания и шести департаментов. На сенате замыкалась вся разветвленная система сословной российской судебной системы и юстиции. Помимо судебной власти, Сенат осуществлял также функции прокурорского надзора через губернских прокуроров, которым подчинялись стряпчие по гражданским, уголовным делам и уездные стряпчие.

По предметам своей компетенции Адмиралтейская и Военная коллегии ведали, соответственно, военно-морскими и военными судами, основываясь на уже сформировавшейся прежде системе военных судов для военнослужащих.

Для гражданского населения, в соответствии с сословным делением общества по реформе 1775 г. учреждались различные в своих полномочиях суды. Во главе этой системы находились генерал-губернаторы и губернаторы с губернским правлением, палатами гражданского и уголовного судов. Нижестоящими инстанциями были верхний земский суд с гражданским и уголовным департаментами, верхняя и нижняя расправа, волостная расправа, дворянская опека. В качестве судей и заседателей были губернаторы, предводители дворянства, капитан-исправник. Данные суды учреждались для сословий по месту жительства в губерниях России, отдельно для дворян и крестьян (помещики также обладали правом суда над своими крестьянами за исключением наиболее важных преступлений).

В городах для купцов, мещан, иных сословий городских обывателей учреждались гражданский и уголовный департаменты губернских и уездных магистратов (а в столицах еще и верхний и нижний надворные суды). При магистратах также учреждались словесные суды по коммерческим делам и сиротская опека.

Особняком, лишь под руководством губернаторов и в составе шести заседателей от сословных судов находились приказы общественного призрения. Они ведали социальной сферой (школы, больницы, приюты и т. д.), то есть рядом дел, прежде бывшей в компетенции церковно-гражданского права. В их же подчинении была часть исправительной системы (работные и исправительные дома, куда направлялись нищие, бродяги, непослушные крестьяне).

Екатерина была сторонницей коллегиального суда, что и отражено в их составе. Палаты уголовного и гражданского суда в магистратах состояли из председателя, двух советников и двух ассессоров. Суд в магистратах был апелляционной инстанцией для дел, решенных в земских судах.

В каждой губернии был верхний земский суд, состоявший в полном присутствии из двух председателей и десяти заседателей. При этом суде состоял прокурор с двумя стряпчими. Земские суды были апелляционной инстанцией уездных судов и дворянских опеки.

Верхняя и нижняя расправа были соответственно апелляционной и первой инстанцией и состояли в первом случае из двух председателей и десяти заседателей. В нижней расправе

заседали судья и восемь заседателей. Председатели и судьи были только из дворян, заседатели могли быть и из разночинцев (но только не из крепостных крестьян).

Как церковный судебный орган сохранился Синод, он ведал духовными вопросами и делами, относившимися к церковно-гражданским праву. Во главе Синода находился назначенный императрицей обер-прокурор, помощниками его были митрополиты. Один из архиереев возглавлял духовную консисторию – высшую инстанцию церковного суда. Епархиальный суд значительных изменений, по сравнению с предыдущим периодом, не претерпел.

Как видно, феодальный суд эпохи Екатерины II совершенствовался структурно, он сохранил основные черты и тенденции, заложенные прежде Петром I. Прежде всего, обозначенная судебная система отвечала внутренней политике России, которая даже при появлении буржуазных элементов, сохраняла позиции феодальной державы. Приведенная здесь судебная система просуществовала в России до судебной реформы середины XIX в.

Тема 10

Судебная реформа 1864 г

Судебная реформа. Судебной реформе предшествовала серьезная подготовительная работа. В 1861–1864 гг. отделения судостроительства, уголовного и гражданского судопроизводства, комиссии Государственной канцелярии рассмотрели множество теоретических разработок, предложений, проектов и поправок, которые поступали из судебных учреждений, от юристов и из-за рубежа. Было подготовлено несколько законопроектов, которые после обсуждения в Государственном совете были 20 ноября 1864 г. подписаны Александром II.

Акты, принятые 20 ноября 1864 г., получили общее название Судебные уставы: «Учреждение судебных установлений»; «Устав уголовного судопроизводства»; «Устав гражданского судопроизводства»; «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (опубликованы в ПСЗ, т. XXXIX, собрание 2-е, отделение 2-е).

В отличие от старой громоздкой судебной системы, нововведенная была проще и намного эффективней, но вводилась не повсеместно и к концу 1870-х гг. распространилась на 44 губернии.

Судом высшей инстанции оставался Правительствующий Сенат, в нем образовывались департаменты гражданских и уголовных дел. Создавались местные и общие (коронные) суды.

К местным судам относились мировые судьи и съезды мировых судей. Мировой судья был первой инстанцией. Компетенцией мирового судьи являлись незначительные преступления и проступки; за них мировой судья мог приговорить к денежному взысканию до 300 рублей по уголовным делам, незначительным штрафам, административному аресту до 6 месяцев или заключению в тюрьму до 1 года. Мировой судья рассматривал гражданские иски на сумму не выше 500 рублей, бытовые дела, претензии за оскорбления, обиды и т. д. Мировые судьи рассматривали большинство дел, подсудных прежде многочисленным сословным судам. Мировые судьи старались решать дела на принципах бессословности, примирения сторон, объективно, без излишней волокиты и судебных издержек. Мировые судьи снискали в народе заслуженное уважение (в настоящее время в России воссоздается институт Мировых судей).

«Учреждение судебных установлений» 20 ноября 1864 г. определяло, что Мировые судьи состоят по уездам и городам, которые подразделялись на мировые округа и мировые участки. Участок представлял мировой судья. В мировые судьи избирались на Уездных Земских собраниях, а в столичных городах – на заседаниях Городской Думы с последующим их утверждением Сенатом. Мировые судьи избирались на 3 года. Мировые судьи могли получать жалование (участковые мировые судьи), но «отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания» получал название «почетного участкового Мирового судьи». Правом избираться на должность мирового судьи получали местные уездные жители, достигшие 25 лет, имевшие высшее или среднее образование или имевшие опыт в судопроизводстве и выдержавшие «соответствующее симу испытание». Вводился и высокий имущественный ценз. Претендующий на должность Мирового судьи должен был соответствовать требованиям имущественного ценза первой курии гласных в Уездных Земских собраниях. Лица, имевшие судимость в мировых судьях не избирались. Таким образом, к Мировым судьям предъявлялись высокие требования, что, как правило, гарантировало честность и объективность должностного лица.

Второй инстанцией являлся Уездный съезд Мировых судей, территориально он соответствовал Мировому округу. Съезд состоял из всех уездных Мировых судей и выборочно «почетных уездных» Мировых судей. На съезде избирался председатель «мирового» съезда. Съезды мировых судей собирались «в назначенные сроки для окончательного решения дел», находившихся в их компетенции, «а также для рассмотрения в кассационном порядке просьб и протестов».

стов об отмене окончательных решений Мировых судей». Мировой суд был упразднен в 1889 г. и вновь учрежден только в 1912 г.

К общим (коронным) судам относились Окружной суд (первая инстанция) и Судебная палата (вторая инстанция по гражданским и вторая по важным уголовным делам). Окружные суды учреждались для нескольких уездов или одной губернии, составляя Судебный округ. Судебная палата состояла из уголовного и гражданского департаментов, объединяла несколько судебных округов. Окружные суды по Учреждению судебных установлений 1864 г. состояли из председателя и членов, утверждаемых императором. Окружной суд являлся частью коронного, состоявшего из трех судей. Члены коронного суда назначались на должность по принципу несменяемости (до подачи в отставку или отстранения по привлечению к суду за уголовное преступление). При рассмотрении уголовных дел вводился институт присяжных заседателей (в гражданских делах присяжные заседатели не предусматривались). Присяжные заседатели избирались из местных жителей в возрасте от 25 до 70 лет. Присяжными заседателями могли быть почетные мировые судьи, государственные и земские служащие, крестьяне, а также другие лица, в соответствии с высоким имущественным цензом. Закон определял, что присяжными заседателями не могли быть заинтересованные лица (служащие в суде, прокурорском надзоре, полиции), рабочие, учителя (то есть находящиеся в услужении, в том числе у частных лиц) и священники. Выбранные присяжные заседатели утверждались губернатором или градоначальником. Список присяжных заседателей поступал Председателю суда, который по жребию отбирал из него тридцать заседателей. Затем со списком «тридцати заседателей» знакомился подсудимый, который мотивированно или немотивированно мог отвести двенадцать заседателей. Шесть заседателей мог, в свою очередь, отвести прокурор. Получался отвод по формуле $30 - 12 - 6 = 12$. Итак, на суде присутствовали три члена коронного суда и двенадцать заседателей. Функции присяжных заседателей заключались в объективном рассмотрении и оценке фактов и обстоятельств дела, на основании которых выносился вердикт в виновности или невиновности обвиняемого. В случае вынесения вердикта о невиновности, подсудимый оправдывался и освобождался из-под стражи. В противном случае дело решал общий (коронный) суд, который без присутствия присяжных заседателей определял тяжесть содеянного и назначал наказание. Решения, принятые судом с участием присяжных заседателей считались окончательными и обжалованию не подлежали, кроме обнаружения нарушений процессуальных действий или получения новых обстоятельств. В этом случае дело поступало в уголовный департамент Сената, обладавший правом кассации.

Судебная палата являлась судом второй инстанции по гражданским делам, которые рассматривались до этого окружным судом (без присяжных заседателей). В судебной палате заседали сословные представители сословий (местные предводители дворянства, городской голова, волостной старшина). Присяжные заседатели в судебной палате не предусматривались. Судебная палата являлась также судом первой инстанции по делам о государственных и должностных преступлениях. Дела о названных особо важных уголовных преступлениях также рассматривались с участием сословных представителей. Высокие требования предъявлялись к членам суда. Председатель должен был иметь высшее образование, а члены суда – трехлетний практический опыт судебной работы.

Важными нововведениями являлись институты судебных следователей и адвокатуры. Судебные следователи должны были иметь опыт судебной практики не менее четырех лет, назначались и подчинялись министру юстиции, который являлся одновременно генерал-прокурором. Непосредственное руководство судебными следователями осуществляли в судебных палатах и окружных (коронных) судах прокуроры, которые одновременно выражали интересы государства. Судебные следователи получали право возбуждать и проводить досудебное расследование, изымавшееся из ведения полиции. Судебные следователи производили следующие действия: возбуждение уголовного преследования, дознание, обыски, выемку корреспонден-

ции, меры пресечения уклонения от следствия, арест имущества, психиатрическое освидетельствование, прекращение уголовного дела. Перечисленные действия судебные следователи проводили самостоятельно, в других случаях – по решению суда. Судебные следователи тесно сотрудничали с полицией, другими структурами.

Институт адвокатуры являлся независимым от суда и прокуратуры. Адвокаты (присяжные и частные поверенные) объединялись в коллегии при судах, коллегии избирали Совет присяжных поверенных. По судебным уставам 1864 г. вводился институт присяжных поверенных. Присяжными поверенными могло стать лицо с высшим юридическим образованием и имевшее пятилетний практический опыт. В связи с нехваткой адвокатов, в 1874 г. вводился институт частных поверенных, которые могли участвовать только в делах, разрешенных судом.

В 1864 г. вводился нотариат. По Судебным уставам нотариальные конторы разрешалось открывать в Москве, Санкт-Петербурге, в губернских центрах и уездных городах. Нотариальные конторы осуществляли деятельность под наблюдением судебных мест. Нотариусы получали право удостоверять документы и оформлять сделки.

Одновременно с новой судебной системой в России сохранились сословные суды для духовенства, военных, крестьян. Существовал Верховный уголовный суд, который рассматривал дела в отношении высших штатских должностных лиц, генералитета, придворной аристократии.

Система исполнения наказаний стала либеральней. По закону 17 апреля 1863 г. отменялись телесные наказания и клеймение по приговорам гражданских и военных судов, отменялись телесные наказания женщин. Телесные наказания (розги) оставались в местах заключения (отменены в 1917 г.), на каторге шпицрутены (отменены в 1871 г.), по отношению к крестьянам (по приговорам волостных судов). В 1885 г. отменили наказание розгами.

По тюремной реформе 1879 г. несколько улучшились условия содержания заключенных. Главное тюремное управление курировало тюремные заведения России (тюремь), исправительные дома, места отбывания ссылки и каторги). Реформы 1860-70-х гг. затронули всю судебную систему и репрессивно-карательные органы России. Начальный период реформ отличался либерализмом, но с 1870-х гг. реформы менее радикальны и отмечаются уже реакционные меры – таким образом, самодержавие отвечало на рост в стране социального давления.

В России в ходе реформ были приняты процессуальные кодексы, а Уложение о наказаниях было дополнено пореформенным законодательством и издано в редакциях 1866 г. и 1885 г. Велись работы по созданию гражданского кодекса и к концу XIX в. был подготовлен его проект, но введен в действие не был. Проект нового уголовного кодекса был подготовлен в начале XX в. частичным введением в действие. Уровень Уголовного Уложения 1903 г. оказался столь высоким, что оно было введено в действие на территории буржуазной Польши после ее отделения от Советской России.

Русские юристы вполне понимали значение отраслевого деления права. Свод законов пополнялся разрабатываемыми с учетом развития капитализма уставами, отвечающими принципам отраслевого деления и построения по типу кодексов (например, Устав о промышленности фабрично-заводской и ремесленной). Нормы гражданского права входили в основной десятый том Свода законов и свидетельствовали о довольно четком понимании законодателем теоретических и практических аспектов гражданского законодательства.

В 1863–1917 гг. в России еженедельно выходило «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате». В нем публиковалось все текущее законодательство. Каждое полугодие материал обобщался в два объемнейших тома.

Публикуемые законодательные акты порой противоречили старым законам. Сенат, как высшая судебная инстанция, выносил решения по конкретным делам, и государственные органы считали эти решения обязательными для руководства. Этими «буферными» решени-

ями Сенат как бы приспособливал законодательство к новым буржуазным условиям. Некоторые постановления Сената становились после утверждения императора законами.

Продолжал сохранять свое значение и обычное право. Его нормы применялись в волостных судах, были характерны для быта русского крестьянства. В торгово-промышленной области обычаи не должны были противоречить закону.

После принятия судебных уставов 1864 г. судебный процесс оставался почти неизменным долгие десятилетия. Суд был отделен от администрации, прокуратура и адвокатура стали отдельными учреждениями с собственными функциями. Следствие отделилось от судебного разбирательства, закон предписывал ценз грамотности для судей и вводил уголовную ответственность за нарушение установленных правил процесса. В случае причастности к делу, имущественной или иной заинтересованности, родственных связей судьи отстранялись от рассмотрения дела.

Теорию формальных доказательств сменила теория «свободной оценки доказательств». Сила доказательств уже не была расписана в законе. Новая теория, которой руководствовалась судебная практика, основывалась на том, что задача суда состоит в поисках объективной (материальной) истины. Решения и приговоры судов должны опираться на истинные факты, для чего необходим тщательный разбор дел и всесторонний анализ всех имеющихся доказательств без какого-либо вмешательства извне. Мерилом достоверности было лишь внутреннее убеждение судей. Это побуждало суды исследовать все письменные и вещественные доказательства, анализировать показания свидетелей и т. д. В приговорах и решениях суд был обязан приводить «обстоятельства, на которых они основаны». Процессуальные действия (обыск, производство экспертизы, выбор меры пресечения и др.) подробно регламентировались законом.

Суд обязан был выслушивать как истца, так и ответчика. В уголовном процессе обвинение и защита получили право представлять доказательства, давать пояснения, опровергать выводы противной стороны, отводить свидетелей. Суд стал гласным, устным, провозглашался принцип несменяемости судей, подчинения их закону, принцип состязательности стал господствующим, основанием вынесения приговора была виновность. Но существование сословных судов и сословная градация общества являлись препятствием для полного осуществления процессуального равенства. Крестьянин захолустной деревни объективно не имел возможности получить такие же условия реализации своих прав, как жители городов.

Пореформенные десятилетия так же как и вторая четверть XIX в. ознаменованы крупными политическими процессами наиболее известными из которых были: процесс по делу Чернышевского, Нечаева, процесс «50-ти», процесс «193-х», процесс Веры Засулич, процесс «Первого марта» (по делу об убийстве Александра II). Наиболее крупными процессами были – «50-ти» и «193» 1877 и 1878 гг.

В 1874 г. произошел массовый исход интеллигентской молодежи из городов в деревни («хождение в народ») с целью пропаганды социально-революционных идей в крестьянстве.

Сотни агитаторов с дипломами инженеров, врачей, акушеров, учителей или переодетые мастеровыми пошли по России. Они проникали в самые глухие деревни, иногда по одиночке, иногда парами, соединенные фиктивным браком. Пользуясь своими знаниями, они пытались завоевать доверие крестьян, толковали с ними о революции и социализме. Но крестьяне не понимали «бар» с их господской, изобилующей иностранными словами речью. Чаще всего мужики первыми и доносили на них в полицию.

«Хождение в народ» провалилось – народники оказались чуждыми жившему своей особой жизнью народу. Полиция арестовала более 1600 человек. Предварительное следствие, тянувшееся с грубыми процессуальными нарушениями более трех лет и закончилось выше названными процессами.

Эти процессы, в которых участвовали лучшие русские адвокаты (В. В. Стасов, В. Д. Спасович, Е. И. Уткин), показали народников в самом выгодном свете, и, напротив, жестокость

полиции больно ударила по престижу правительства и лично царя. В ходе процесса «193-х» было 93 случая сумасшествия, самоубийств и смерти за время предварительного следствия! На суде 90 человек были оправданы, но Александр II 80 из них приказал схватить и отправить в ссылку, ужесточив представленный на высочайшее милосердие приговор 28 наиболее активным деятелям. Это было еще более крупной ошибкой императора, чем процесс по делу петрашевцев.

Тема 11

Судебная контрреформа, правосудие в России в 1889–1917 гг

Суд и процесс в период контрреформ 1880—1890-х гг. Отход от либеральных реформ впервые стал проявляться в 1870-е гг., еще в период правления Александра II, что объяснялось ростом в пореформенной России общественного движения.

С 1866 г. присяжным судам запретили рассматривать дела о печати. В 1871 г. появились изменения в процессуальном праве. Отныне дознание по государственным преступлениям переходило из компетенции судебных следователей жандармам. Особо важные дела, связанные с народофильским движением и особо опасными государственными преступлениями, с 1872 г. рассматривались Особым присутствием Сената. Александр II затягивал с осуществлением городской реформы, предпринимал ряд мер охранительного характера. Ситуация в корне изменилась после неудавшегося покушения на царя 8 февраля 1880 г. Самодержец был возмущен неспособностью полицейских органов обеспечить ему безопасность. Уже 12 февраля 1880 г. учреждена Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Комиссия проработала около двух месяцев и предложила ряд мер, оформленных актами 6 августа 1880 г. – 17 февраля 1881 г. По указам Александра II в это время упразднялось III отделение с передачей его функций Департаменту полиции МВД, усиливался контроль Сената над губерниями, где отмечалась наибольшая социальная активность, усилилась борьба с народофильцами. Вместе с тем, предлагалось пойти на некоторые уступки наиболее законопослушным представителям земств и привлечь их к участию в законотворческой деятельности Государственного совета. Названные меры получили название плана «умиротворения» России. 1 марта 1881 г. Александр II был убит в результате покушения народофильцев, и намеченный план «умиротворения» проявился уже в другом ракурсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.